A 24 4/40

В. Е. Тарановский

НАПОЛЕОНЪ I и АЛЕКСАНДРЪ I

ДО И ПОСЛѢ ВОЙНЫ 1812 Г.

СЪ 30 РИС. ВЪ ТЕКСТѢ

68

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
К. И. ТИХОМИРОВА

МОСКОВСКАЯ МАСТЕРСКАЯ СВѢТОВЫХЪ КАРТИНЪ

„А. Ф. Анцыферовой“.

Москва, Арбатъ, Мал. Власьевскій пер., № 6. (к) Телеф. 162-10.

Четыре медали на Всероссійской и др. выставкахъ.

Къ настоящей брошюрѣ изготовляются слѣдующія картины, какъ полной серіей, такъ и отдѣльными номерами:

1. Генералъ Бонапартъ.
2. Императрица Жозефина.
3. Наполеонъ I консулъ.
4. Наполеонъ I.
5. Наполеонъ-Императоръ.
6. Наполеонъ I и папа Пій VII.
7. Жеромъ Бонапартъ.
8. Мюратъ.
9. Летиція Бонапартъ.
10. Александръ I.
11. Лагарпъ.
12. Сперанскій.
13. Карамзинъ.
14. Францъ I.
15. Свиданіе въ Тильзитѣ.
16. Въѣздъ Александра I въ Парижъ.
17. Герцогъ Рейхштадскій.
18. Ней.
19. Людовикъ XVIII.
20. Люсьенъ Бонапартъ.
21. Наполеонъ подъ Ватерлоо.
22. Смерть Наполеона.
23. Смерть Александра I (костяное изображеніе).

Мастерская располагаетъ громаднымъ выборомъ картинъ художественнаго исполненія по литературѣ, всѣмъ отдѣламъ естествознанія, географіи, русской и всеобщей исторіи, исторіи искусствъ, сельскому хозяйству и другимъ отдѣламъ.

Всѣ картины изготовляются исключительно изъ лучшаго заграничнаго матеріала.

Цѣна одной картины безъ рамы:

Раскрашеной . . . . . 1 р. 50 к.
Черной . . . . . — „ 60 „
Цѣна одной деревянной рамки. . — „ 8 „

Къ юбилеямъ 1812, 1813 г. и всѣмъ другимъ печатаются спеціальные списки картинъ, которые высылаются безплатно.

Вышелъ изъ печати новый полный каталогъ картинъ.

Годъ XXI.

А24 4/40

В. Е. Романовскій.

Наполеонъ I и Александръ I

до и послѣ войны 1812 года.

Съ 30 рисунками въ текстѣ.

Цѣна 40 коп.

Книгоиздательство К. И. Тихомирова.
Москва, Кузнецкій Мостъ, д. Захарьина.
1912.

Изъ помѣщенныхъ въ настоящей книжкѣ иллюстрацій, двѣ, а именно: Лагарпъ и Въѣздъ Императора Александра I въ Парижъ, составляютъ собственность Московской мастерской свѣтовыхъ картинъ А. ф. Анцыферовой.

Всякая перепечатка этихъ двухъ иллюстрацій воспрещается и будетъ преслѣдоваться въ законномъ порядкѣ.

МОСКВА.
Типографія Н. И. Гросманъ и Г. А. Вендельштейнъ. Маросейка,
Малый Златоустинскій пер., домъ Хвощинскаго.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Центральными фигурами въ событіяхъ первой четверти прошлаго вѣка являются два императора—Наполеонъ I и Александръ I.

Издавая настоящую книжку (въ дополненіе къ другой нашей книжкѣ—„Отечественная война 1812 года“), мы желали помочь читателю, не имѣющему возможности пользоваться обширными историческими изслѣдованіями, составить себѣ болѣе или менѣе полное представленіе какъ о самой эпохѣ, такъ и о двухъ ея главнѣйшихъ представителяхъ.

Полагаемъ, что составленный нами очеркъ можетъ оказаться не безполезнымъ и при изученіи исторіи въ старшихъ классахъ средней школы, какъ матеріалъ для домашняго чтенія.

При составленіи нашего очерка мы пользовались слѣдующими сочиненіями:

1) **Проф. Трачевскій.**— Наполеонъ Бонапартъ;
2) **Слоонъ.**—Жизнеописаніе Наполеона I;
3) **Пыпинъ.**—Общественное движеніе при Александрѣ I;
4) **Тэнъ.**— Наполеонъ;
5) **Н. Полевой.**— Наполеонъ I въ Россіи въ 1812 г.;
6) **Соловьевъ.**— Императоръ Александръ I;
7) **Проф. Надлеръ.**— Императоръ Александръ I и идея Священнаго Союза;
8) **Лависъ и Рамбо.**— Исторія XIX вѣка;
9) **Проф. Платоновъ.**— Лекціи по русской исторіи;
10) **Проф. Карѣевъ.**— Краткая исторія прошедшаго столѣтія.

Москва, 1911 г. 12 іюня.

INTRODUCTION

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

«Старый порядокъ» во Франціи. Просвѣщенный вѣкъ. Великая французская революція 1789 года. Отношеніе къ ней европейскихъ державъ. Первая коалиція. Французская республика и ея міровыя задачи. Конвентъ и организація «войны—пропаганды». Карно и его армія.

Въ средніе вѣка Франція, какъ и всѣ другія еропейскія государства, была разбита на множество такъ называемыхъ *феодальныхъ* владѣній. Среди нихъ съ конца X вѣка стало возвышаться небольшое государство Иль-де-Франсъ, владѣтели котораго, графы Парижскіе, получившіе королевскій титулъ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій вели упорную борьбу съ остальными феодалами, стараясь подчинить ихъ своей власти и объединить въ своихъ рукахъ всю территорію Франціи. Къ концу XV вѣка эта борьба была уже почти закончена. Въ XVI вѣкѣ Франція представляла уже единую національную монархію; но ея прочному существованію и спокойному развитію въ это время мѣшали религіозныя несогласія среди населенія, происшедшія вслѣдствіе проникновенія и въ эту страну утвердившагося въ значительной части средней Европы протестантизма. Междоусобныя религіозныя войны, вызванныя стремленіемъ правительства подавить «ересь» силою, — оружіемъ и кострами, — ослабляли только что сложившееся государство. Ожесточенная борьба между католиками и протестантами закончилась въ самомъ концѣ XVI вѣка при королѣ Генрихѣ IV, родоначальникѣ династіи Бурбоновъ, изданіемъ Нантскаго эдикта, которымъ утверждена была во Франціи вѣротерпимость. Но съ прекращеніемъ религіозныхъ войнъ началась снова борьба королевской власти съ общественными элементами, ее ослаблявшими: французскіе протестанты (гугеноты), получившіе по Нантскому эдикту разрѣшеніе держать свои войска и крѣпости

для защиты своихъ правъ, представляли какъ бы государство въ государствѣ; высшее феодальное дворянство, составившееся изъ потомковъ прежнихъ феодаловъ, стремилось возстановить свое утерянное политическое положеніе; нѣкоторыя провинціи продолжали жить почти совершенно самостоятельною жизнью, управляясь своими сеймами, или «генеральными штатами». Королевская власть вышла изъ этой борьбы побѣдительницей: при Людовикѣ XIII, усиліями его главнаго министра кардинала Ришелье, гугеноты, сохранивъ свободу вѣроисповѣданія, лишены были права имѣть войско и крѣпости; дворянство было подчинено правительству наравнѣ съ прочими сословіями, во всѣ провинціи были назначены королевскіе намѣстники, или интенданты. Преемникъ Людовика XIII, Людовикъ XIV, довершилъ дѣло своихъ предшественниковъ. Уже въ его малолѣтство, благодаря энергичнымъ дѣйствіямъ кардинала Мазарини (занявшаго мѣсто умершаго Ришелье) окончательно было сломлено политическое значеніе феодальнаго дворянства, послѣ его послѣдней попытки отстоять свою независимость, извѣстной въ исторіи подъ названіемъ Фронды. Впослѣдствіи отмѣненъ былъ Нантскій эдиктъ, послѣ чего около $^1/_2$ милліона наиболѣе энергичныхъ, предпріимчивыхъ, богатыхъ и свободолюбивыхъ гражданъ, находившихся въ рядахъ гугенотовъ, эмигрировали въ другія государства; это вызвало значительный упадокъ торговли и промышленности во Франціи. Усилена была централизація въ управленіи, подчинившая королю и судъ и управленіе во всей странѣ; повсюду всѣ должности были заняты исключительно королевскими чиновниками, число которыхъ приняло громадные размѣры и на содержаніе которыхъ тратились громадныя суммы. Еще въ началѣ царствованія Людовика XIII прекратили свое существованіе земскіе соборы («генеральные штаты»), съ которыми въ трудные моменты совѣщалось правительство до начала XVII вѣка и на которыхъ представители дворянства, духовенства и горожанъ имѣли возможность заявлять свои нужды и высказывать свое мнѣніе о государственныхъ дѣлахъ. Установился полный, ничѣмъ не ограниченный абсолютизмъ: вся власть и всѣ интересы государства сосредоточились исключительно въ особѣ короля, единолично рѣшав-

шаго всѣ вопросы и управлявшаго страноїї при посредствѣ своей всесильноїї бюрократіи. Людовикъ XIV съ полнымъ правомъ могъ опредѣлить теперь свое положеніе словами, которыя ему приписываются: «l'état c'est moi—государство, это—я».

Утвердивъ абсолютную монархію внутри государства и, какъ основу ея, централизацію въ управленіи при господствѣ всесильной бюрократіи, Людовикъ XIV осуществилъ на нѣкоторое время и ту идею во внѣшней политикѣ, которої руководились его предшественники, начиная съ Франциска I въ XVI вѣкѣ: своими завоеваніями онъ поставилъ Францію въ рядъ первенствующихъ державъ Европы, а блестящеїї придворноїї жизнью,—въ которої сосредоточены были принесенныя къ его стопамъ всѣ пріобрѣтенія наукъ, промышленноїї техники, литературы и искусства,—давалъ тонъ всѣмъ европеїйскимъ дворамъ. Парижъ сдѣлался и политическимъ и культурнымъ центромъ Европы.

Но этотъ внѣшнїй успѣхъ Франціи, этотъ ослѣпительныї блескъ «короля-солнца» и его двора дорого обошелся французскому народу. Съ этого момента и началось то внутреннее разстройство Франціи, которое привело ее сначала къ полному финансовому и экономическому банкротству, а затѣмъ и къ катастрофѣ, къ великої революціи 1789 года.

Прежде всего побѣда монархіи надъ феодализмомъ была неполная: уничтоженъ былъ феодализмъ лишь съ его политической стороны, и осталась нетронутоїї соціальная сторона феодализма. Иначе говоря, дворянство утеряло въ своихъ имѣніяхъ политическую власть, но сохранило господствующее положеніе надъ народноїї массої: многочисленное крестьянство оставалось въ крѣпостноїї зависимости отъ дворянъ—помѣщиковъ, потомковъ бывшихъ феодаловъ, и было подавлено множествомъ натуральныхъ и денежныхъ повинностей. Какъ и духовенство, дворянство сохранило свои средневѣковыя привилегіи: государственные подати и налоги всею своею тяжестью лежали на городскомъ населеніи и на крестьянствѣ. Къ этому присоединилось множество злоупотребленіїї со стороны многочисленнаго чиновничества и сборщиковъ податеїї, злоупотреблявшихъ откупною системоїї. Отсутствіе правосудія, съ суще-

ствованіемъ пытокъ и смертной казни, полнѣйшій произволъ представителей суда и администраціи и полное отсутствіе какихъ либо гарантій гражданской свободы довершали печальную картину. Промышленность и торговля были до крайности стѣснены цехами, внутренними таможнями, мелочной правительственной регламентаціей; финансовое хозяйство, составлявшее тайну правительства, было страшно запущено, и надъ государствомъ тяготѣли неоплатные долги по внѣшнимъ займамъ, по которымъ весьма трудно было уплачивать даже одни только проценты. Строгая цензура, находившаяся въ рукахъ духовенства, и прекращеніе созыва генеральныхъ штатовъ дѣлали невозможнымъ для людей, понимавшихъ, что Франція приближается къ страшной катастрофѣ, открыто заявлять свои взгляды на ея бѣдственное состояніе и на средства къ ея спасенію *).

Этотъ порядокъ вещей, извѣстный въ исторіи подъ названіемъ «стараго порядка» (l'ancien regime), существовалъ повсемѣстно, во всѣхъ государствахъ западной Европы, кромѣ Англіи, гдѣ съ половины XIII вѣка развился парламентаризмъ. Во Франціи этотъ порядокъ обнаружился въ наиболѣе острой формѣ, особенно при преемникахъ «короля-солнца», при Людовикѣ XV и Людовикѣ XVI.

Но, несмотря на всѣ злоупотребленія и крайности абсолютизма, просвѣщеніе въ верхнихъ слояхъ французскаго общества, а также и среди буржуазіи, или третьяго сословія (triers-état), въ XVIII вѣкѣ дѣлало очень быстрые успѣхи, развиваясь подъ вліяніемъ твореній англійскихъ писателей и ученыхъ XVII вѣка. Продолжительный гнетъ деспотизма, церковнаго и политическаго, въ половинѣ XVIII вѣка вызвалъ небывалый со времени эпохи Возрожденія порывъ свободной мысли, подвергшей безпощадному осмѣянію и осужденію всѣ недостатки общественнаго, церковнаго и государственнаго строя стараго порядка. Въ произведеніяхъ французской «просвѣтительной»

---

*) Генеральные штаты—états generaux. Etat—сословіе, general—главный; учрежденіе это вполнѣ соотвѣтствовало Земскимъ соборамъ Московской Руси.

литературы XVIII вѣка,—главнѣйшими представителями которой были Вольтеръ, Руссо, Монтескье и такъ называемые энциклопедисты съ Дидро и Д'Аламберомъ во главѣ,—проповѣдывалась необходимость коренныхъ преобразованій на началахъ гражданской и политической свободы, равенства, гуманности, законности, справедливости и вѣротерпимости. Основною идеей всѣхъ разсужденій объ этихъ преобразованіяхъ являлась идея о «естественныхъ правахъ человѣка». Новое умственное движе́ніе, зародившееся въ Англіи и достигшее своего расцвѣта во Франціи, широкою волной разлилось отсюда по всѣмъ странамъ Европы; его представители, французскіе философы, стали во главѣ пробудившагося общественнаго мнѣнія, съ которымъ пришлось считаться монархамъ. Образовался какъ бы союзъ между монархами и философами, въ которомъ монархи стремились съ помощью философовъ улучшить положеніе своихъ подданныхъ, осуществить въ своей правительственной дѣятельности идею «общественнаго блага» и упрочить уступками новому движенію свое положеніе, сохранивъ въ своихъ рукахъ всю полноту власти. Создалась особая теорія «просвѣщеннаго абсолютизма», представители котораго начали въ своихъ государствахъ цѣлый рядъ преобразованій. Изъ нихъ впереди всѣхъ шли Екатерина II въ Россіи, Фридрихъ II въ Пруссіи и Іосифъ II въ Австріи.

Начались преобразованія и во Франціи. Но здѣсь они успѣха не имѣли. Добрый и мягкій по натурѣ, но крайне слабый и безхарактерный Людовикъ XVI, поддавшись вліянію духа времени, предоставилъ постъ главнаго министра одному изъ выдающихся представителей просвѣтительной философіи и опытному администратору Тюрго; но широко задуманная послѣдними программа реформъ, имѣвшая цѣлью обновить старый строй и уничтожить всѣ слѣды феодализма, осталась неосуществленной и самъ Тюрго, возбудившій противъ себя дворянство, преимущественно придворное, и высшее духовенство, не желавшихъ разстаться съ своими привилегіями, лишенный поддержки короля, принужденъ былъ выйти въ отставку. Этимъ судьба монархіи во Франціи была рѣшена. Недовольство общества послѣ неудачной попытки Тюрго съ каждымъ днемъ

рсло, и правительство, совершенно запутавшееся въ финансовыхъ затрудненіяхъ, все болѣе и болѣе терялось въ изысканіи мѣръ къ избѣжанію банкротства, закрывая глаза на всѣ остальныя неустройства. Наконецъ, оно вынуждено было обратиться къ той мѣрѣ, которая до начала XVII вѣка помогала королевской власти выходить изъ разныхъ затрудненій: оно созвало генеральные штаты, не собиравшіеся въ теченіе 175 лѣтъ.

Но было поздно. Генеральные штаты, собравшіеся въ 1789 году, уже не могли ограничиться тою совѣщательною ролью, которую они когда то играли. На глазахъ у всѣхъ, какъ образецъ для подражанія, былъ англійскій парламентъ, въ которомъ осуществлялось не «сословное», а «народное» представительство; на глазахъ у всѣхъ была англійская конституціонная монархія, которую большинство представителей интеллигентнаго французскаго общества считало наиболѣе подходящей для Франціи формой правленія. Депутаты третьяго сословія, во главѣ которыхъ стояли графъ Мирабо и аббатъ Сіэсъ, объявили себя истинными представителями французской націи, и земскій соборъ сословныхъ представителей, послѣ нѣкоторыхъ пререканій съ правительствомъ, превратился въ Національное Учредительное Собраніе.

Вначалѣ почти никто и не думалъ объ уничтоженіи монархіи; думали лишь о ея ограниченіи. Громадное большинство депутатовъ, слѣдуя идеямъ Вольтера и Монтескье, мечтало объ установленіи конституціонной монархіи. Среди нихъ были и послѣдователи Руссо и его «Общественнаго договора», для которыхъ идеальной формой правленія представлялась республика; но они въ то время далеки еще были отъ мысли осуществить ее во Франціи. Монархія, при такихъ обстоятельствахъ, могла быть спасена благоразумными уступками общественному мнѣнію и искреннимъ ея союзомъ съ Учредительнымъ Собраніемъ для общей преобразовательной работы. Но недальновидный, слабый и нерѣшительный король оказался совершенно неспособнымъ къ той роли, которую возлагала на него исторія. Искренно желавшій принести пользу своему народу, но въ то же время не имѣвшій яснаго представленія о значеніи переживаемаго его государствомъ момента, онъ колебался между двумя

крайностями, то сближаясь съ представителями народа, то поддаваясь вліянію придворнаго дворянства и своей жены, легкомысленной Маріи-Антуанеты. Онъ кончилъ тѣмъ, что, официально признавая необходимость «постояннаго согласія и неизмѣннаго довѣрія» между королемъ и Законодательнымъ Собраніемъ, замѣнившимъ въ 1791 г. Конститюанту*), при посредствѣ бѣжавшихъ изъ Франціи знатныхъ дворянъ и принцевъ (эмигрантовъ) вступилъ въ сношенія съ дворами прусскимъ и австрійскимъ и такимъ образомъ содѣйствовалъ образованію противъ Франціи австро-прусской коалиціи. Онъ надѣялся съ помощью иностраннаго вмѣшательства уничтожить реформы, объявленныя Учредительнымъ Собраніемъ, и возстановить абсолютизмъ. Но онъ ошибся: его нерѣшительная и двуличная политика погубила и его самого и монархію. Иноземное вмѣшательство вызвало во Франціи сильный подъемъ патріотизма и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно подорвало всякое довѣріе къ королю и къ монархіи. Умѣренно-либеральная конституціонная партія, господствовавшая въ Законодательномъ Собраніи, утратила свой авторитетъ въ глазахъ парижскаго населенія; на смѣну ей выдвинулись крайніе республиканцы, такъ называемые якобинцы, съ Робеспьеромъ, Дантономъ и Маратомъ во главѣ **). Парижская чернь, руководимая демагогами-якобинцами, бросилась въ Тюльери, ко дворцу короля, съ требованіемъ отмѣны монархіи. Король съ семействомъ спасся бѣгствомъ въ помѣщеніе Законодательнаго Собранія; здѣсь онъ былъ арестованъ и заключенъ въ Тампльскій замокъ. Монархія была временно отмѣнена, и верховную власть захватила Парижская городская дума (коммуна)***). Законодательное Собраніе сдѣлало постановленіе о своемъ роспускѣ и замѣнилось новымъ представительнымъ учрежденіемъ, Національнымъ Конвентомъ, который долженъ былъ выработать для Франціи новую

---

*) Такъ для краткости принято называть Національное Учредительное Собраніе (L'assemblée nationale constituante).

**) Названіе свое якобинцы получили отъ монастыря Св. Іакова, въ стѣнахъ котораго они устроили свой политическій клубъ.

***) «Коммунами» назывались въ средніе вѣка во Франціи самоуправляющіяся городскія общины.

конституцію, т.-е. новое государственное устройство. Въ этомъ второмъ учредительномъ собраніи республиканцы составляли меньшинство. Тѣмъ не менѣе, опираясь на парижскій пролетаріатъ и на парижскую «коммуну», они явились теперь рѣшителями судебъ Франціи. 22 сентября 1792 года превозглашена была республика, а спустя четыре мѣсяца Людовикъ XVI, обвиненный въ государственной измѣнѣ, былъ казненъ.

Конвенту предстояла трудная работа: необходимо было установить новый, республиканскій порядокъ управленія и обезпечить его существованіе отъ всякихъ попытокъ сторонниковъ стараго порядка уничтожить его. Въ то же время необходимо было организовать національную оборону противъ внѣшнихъ враговъ, противъ коалиціи, которая теперь, послѣ казни короля, усилилась присоединеніемъ къ ней Англіи, Голландіи, Неаполя, Испаніи и разныхъ мелкихъ государствъ Германіи. Внутренняя дѣятельность Конвента осложнилась междоусобною борьбою между его главными партіями: монтаньярами—якобинцами и умѣренными республиканцами жирондистами. Борьба эта окончилась побѣдой первыхъ, и жирондисты, не сочувствовавшіе казни короля, сошли со сцены. Многіе изъ нихъ были казнены; другіе удалились въ изгнаніе. Въ то же время якобинцамъ приходилось бороться и съ роялистами, приверженцами монархіи и стараго порядка, вызвавшими народное возстаніе въ Вандеѣ и въ Бретани*). Послѣдствіемъ этой междоусобной борьбы была система «террора», система устрашенія враговъ республики казнями. Система эта, душою которой былъ ея главный создатель Робеспьеръ, навела ужасъ на всѣхъ, кто не входилъ въ число приверженцевъ партіи якобинцевъ: въ Парижѣ непрерывно работала гильотина, усовершенствованный аппаратъ для быстраго выполненія казни, а въ провинціи совершались массовыя убійства особыми бандами, высылаемыми изъ Парижа подъ предводительствомъ комиссаровъ Конвента. Погибали не только завѣдомые враги республики, но и всѣ «подозрительные». Между прочимъ, въ это время казнена была и Марія-Антуанета. Возстанія въ Вандеѣ и

---

*) См. Виктора Гюго «Девяносто третій годъ».

въ Бретани подавлены были массовыми казнями. Въ Парижѣ и въ провинціи дѣйствовали революціонные суды съ ускоренным и весьма упрощеннымъ дѣлопроизводствомъ, при которомъ никому не было возможности доказать свою невиновность: все зависѣло отъ случайнаго настроенія толпы и отъ произвола судей. Главнымъ орудіемъ Конвента,—или лучше сказать господствовавшей въ Конвентѣ партіи,—въ этой системѣ убійствъ и казней была парижская чернь, подкупленная «максимальной таксой», установившей низкія цѣны на жизненные припасы, и допущеніемъ ея въ ряды національной гвардіи (съ уплатой жалованія) и къ низшимъ городскимъ должностямъ. Эта безчеловѣчная система вскорѣ вызвала протесты даже среди самихъ якобинцевъ. Даже Дантонъ, участвовавшій въ установленіи террора, ужаснулся передъ его крайностями и былъ казненъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими врагами террора. Годъ спустя погибъ на эшафотѣ и самъ Робеспьеръ, когда въ Конвентѣ взяли верхъ надъ террористами умѣренные депутаты, опиравшіеся на буржуазію.

Освободившись отъ диктатуры Робеспьера, Конвентъ,—въ который теперь возвратились и уцѣлѣвшіе жирондисты,—закрылъ всѣ республиканскіе клубы и обезоружилъ чернь. Послѣ этого онъ принялся за установленіе государственнаго порядка: была выработана такъ называемая «конституція III года», въ основу которой положенъ былъ имущественный цензъ избирателей вмѣсто всеобщаго избирательнаго права, установленнаго по конституціи 1793 года. Законодательная власть была распредѣлена между двумя представительными учрежденіями, Совѣтомъ Пятисотъ и Совѣтомъ Старѣйшинъ, а исполнительная была передана Директоріи, состоявшей изъ пяти членовъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ имѣть не менѣе 40 лѣтъ отъ роду.

Съ открытіемъ дѣятельности Конвента французская революція теряетъ мѣстный, національный характеръ. Послѣ казни короля, вызвавшей усиленіе первой коалиціи, молодая республика ставитъ себѣ міровую задачу — провести въ жизнь всѣхъ европейскихъ народовъ тѣ новыя начала, на основаніи которыхъ совершился государственный переворотъ во Франціи.

Разрушеніе парижскою чернью государственной тюрьмы Бастиліи 14 іюля 1789 года, знаменитая ночь 4 августа того же года, когда были отмѣнены всѣ остатки феодализма, всѣ привилегіи высшихъ сословій, декларація правъ человѣка и гражданина, уничтоженіе офиціальной религіи и, наконецъ, казнь короля и королевы,—всѣ эти событія получали теперь значеніе міровыхъ событій, которыя, казалось, должны были навсегда упрочить торжество новыхъ идей и новыхъ формъ государственнаго и общественнаго быта не только во Франціи, но и во всемъ мірѣ. Конвентъ, узнавъ о присоединеніи къ прусско-австрійской коалиціи новыхъ союзниковъ, самъ поспѣшилъ объявить имъ войну. И не только этимъ новымъ членамъ коалиціи была объявлена война; война была объявлена «всѣмъ тиранамъ», а ея послѣдствіемъ должно было явиться уничтоженіе всякихъ слѣдовъ стараго порядка и установленіе республиканскаго устройства во всѣхъ государствахъ Европы. Такая самоувѣренность, вытекавшая изъ политическаго энтузіазма, опиралась отчасти и на успѣхи въ борьбѣ съ австро-прусскими войсками. Наскоро составленная,—преимущественно изъ «санкюлотовъ» (оборванцевъ—безштанниковъ),—революціонная армія, одушевленная общимъ подъемомъ патріотизма, послѣ нѣкоторыхъ неудачъ одержала двѣ блестящія побѣды: при Вальми надъ пруссаками и при Жемаппѣ надъ австрійцами, заставивъ и тѣхъ и другихъ отступить отъ границъ Франціи.

Теперь, когда къ Пруссіи и Австріи присоединились и другія государства, Конвентъ постарался мобилизовать всѣ силы, какими только могла располагать республика. Было объявлено поголовное ополченіе. Въ короткое время словно изъ земли выросло 14 армій—болѣе милліона человѣкъ. Нашелся и талантливый организаторъ этихъ силъ въ лицѣ генерала Карно. Онъ быстро создалъ лучшую въ свѣтѣ артиллерію, положилъ основы славной кавалеріи, устроилъ образцовое интендантство, а въ военной тактикѣ явился рѣшительнымъ врагомъ установившейся къ тому времени рутины: педантичному составленію плановъ сраженій онъ противопоставилъ воодушевленіе войскъ и умѣніе полководца быстро оріентироваться среди условій

мѣстности и всевозможныхъ случайностей боя. Организованное имъ войско было распредѣлено по всѣмъ границамъ Франціи, и съ августа 1793 года въ военной исторіи Франціи пастала блестящая эпоха длившаяся полтора года. Началась «воііна—пропаганда», девизомъ которой служили слова Конвента: «Мы даруемъ братство и помощь всѣмъ народамъ, желающимъ пріобрѣсти свободу!..» «Побѣда или смерть!» — таковъ былъ пароль Конвента всѣмъ генераламъ, которымъ грозила гильотина за военныя неудачи. «Война родитъ героевъ»—говоритъ пословица. Война—пропаганда, открытая Конвентомъ, болѣе всякой другой войны могла оправдать эту пословицу: офицерамъ чины слѣдовали за заслуги чуть не по недѣлямъ; оттого многимъ генераламъ было не болѣе 30 лѣтъ. Каждый солдатъ—гражданинъ былъ героемъ идеи и мстителемъ за отечество, оскорбленное наглымъ манифестомъ союзниковъ при ихъ вторженіи во Францію; съ огнемъ въ глазахъ распѣвалъ онъ свою рыдающую марсельезу или повторялъ лозунгъ Конвента: «Война дворцамъ, миръ хижинамъ!» Съ этою наскоро организованною арміей, воплощавшей обновленную націю, Карно въ теченіе полутора лѣтъ одержалъ 27 большихъ и 120 мелкихъ побѣдъ, истребивъ 80,000 непріятельскихъ солдатъ и столько же забравъ въ плѣнъ...

Армія Карно послужила школоіі, изъ котороіі вышелъ цѣлыіі рядъ талантливыхъ полководцевъ, во главѣ которыхъ стояли сначала Гошъ и Пишегрю, а потомъ затмившіій всѣхъ своими способностями и успѣхами Наполеонъ Бонапартъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Карьера Наполеона. Его первое выступленіе въ борьбѣ съ внѣшними и внутренними врагами республики. Успѣхи Наполеона въ Италіи. Экспедиція въ Египетъ и вторая коалиція. Наполеонъ—первый консулъ. Внутренняя дѣятельность Наполеона. Наполеонъ—императоръ. Третья коалиція. Тильзитскій миръ. Характеристика Наполеона.

Итальянецъ по національности, уроженецъ острова Корсики,—отнятой французами въ 1769 г. у Генуэзской республики,—Набуліоне Буонапарте былъ сыномъ бѣднаго корсиканскаго дворянина, потомка выходцевъ изъ Тосканы, женатаго на простой крестьянкѣ. Десятилѣтнимъ мальчикомъ, по ходатайству губернатора Корсики, едва владѣя французскимъ языкомъ, онъ былъ опредѣленъ королевскимъ стипендіатомъ въ королевскую дворянскую школу въ г. Бріеннѣ. Эта школа напоминала обычную іезуитскую коллегію. Ею руководили монахи — францисканцы, обращавшіе главное вниманіе не на учебно-воспитательное дѣло, а на показную сторону. Молодые дворянчики («кадеты—жантильомы»), воспитывавшіеся здѣсь, приносили съ собою фамильное изящество манеръ, а здѣсь обучались «украшеніямъ ума»—танцамъ, музыкѣ, рисованію и фехтованію. Наука хромала, за исключеніемъ математики и новыхъ языковъ, нѣмецкаго и отчасти англійскаго. Составъ преподавателей былъ очень плохъ. Ученики лѣнились и небрежничали. Даже по части религіи монахи, руководившіе школой, смотрѣли только за тѣмъ, чтобы ихъ питомцы неукоснительно каждый мѣсяцъ исповѣдывались. Вѣяніе «вольтеріанства» проникло и въ эту школу; его испытывалъ и юный Набуліоне, говорившій впослѣдствіи, что явился сюда благочестивымъ и вышелъ отсюда, «познавъ всѣ пороки и безпорядки монастырей». Юные жантильомы больше занимались жизнью. Они получали изъ дому приличныя карманныя деньги, съ ко-

торыми тотчасъ знакомились «нимфы» Бріенна. Въ этой средѣ Набуліоне былъ одинокъ . Мрачный, даже дикій, онъ казался явившимся изъ пустыни. Онъ ненавидѣлъ всякія игры, всякія дѣтскія забавы и усердно учился, забираясь въ уединенныя мѣста. Товарищи иногда издѣвались надъ нимъ, но побаивались его, такъ какъ онъ смѣло и жестоко мстилъ имъ за каждую обиду. Въ этой тяжелой обстановкѣ только мысль о покинутой родинѣ и мечта о ея освобожденіи отъ Франціи скрашивали его жизнь. Въ его душѣ кипѣлъ корсиканскій патріотизмъ. Онъ просилъ свою мать высылать ему книги о родномъ островѣ. Захватъ Корсики французами онъ считалъ «низостью». Онъ поклонялся Паоли,—знаменитому корсиканцу, пытавшемуся освободить Корсику,—какъ кумиру. И однажды горячо говорилъ товарищамъ:

Бонапартъ въ Бріеннской школѣ.

— Надѣюсь, придетъ время, когда я освобожу Корсику. Кто знаетъ? Нерѣдко судьба цѣлой имперіи зависитъ отъ одного человѣка.

Изъ Бріеннской школы, спустя пять лѣтъ, онъ былъ пере-

веденъ за успѣхи, королевскимъ же стипендіатомъ, въ высшую военную школу въ Парижѣ. Спеціально изучивъ здѣсь математику и артиллерію, онъ былъ выпущенъ 16 лѣтнимъ юношей въ офицеры, съ назначеніемъ въ одинъ изъ артиллерійскихъ полковъ, расположенный въ глухой провинціи. Гарнизонная служба въ захолустномъ городкѣ съ 2000 жителей не могла удовлетворить пылкаго, честолюбиваго, талантливаго и любознательнаго юношу. Перспектива получить черезъ 25 лѣтъ чинъ капитана и выйти съ орденомъ въ отставку на скудную пенсію не могла быть для него заманчивой. Служба, съ ея рутиной, старой системой, его не развлекала. Онъ весь отдался чтенію, поглощая множество книгъ. Вначалѣ онъ зачитывался пустыми романами, потомъ увлекся «Новой Элоизой» Руссо и «Вертеромъ» Гёте и, наконецъ, пришелъ къ серьезному научному чтенію, изучая преимущественно государственныя науки. «Духъ законовъ» Монтескье, «Общественный договоръ» Руссо, «Богатство націи» Адама Смита, «Наука законодательства» Филанджіери сдѣлались его настольными книгами. Онъ основательно ознакомился также съ сочиненіями Вольтера, Дидро, Мабли, Рейналя и другихъ представителей Просвѣщенія. Всѣ его занятія въ концѣ концовъ сводились къ исторіи, которую онъ считалъ «основой нравственныхъ наукъ, свѣточемъ истины, разрушительницей предразсудковъ». Въ этотъ періодъ своей жизни онъ былъ истиннымъ революціонеромъ якобинскаго типа.

Въ такомъ настроеніи засталъ его 1789 годъ. Съ увлеченіемъ слѣдя за событіями начинавшейся революціи, онъ привѣтствовалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ «возрожденіе» Франціи слѣдующими словами: «Въ мигъ все измѣнилось! Изъ нѣдръ націи сверкнула электрическая искра: эта нація вспомнила о своихъ правахъ, о своей силѣ. О, человѣкъ, человѣкъ! Какъ ты презрѣненъ въ рабствѣ и какъ великъ, когда тебя зажигаетъ любовь къ свободѣ! Предразсудки разсѣиваются, твоя душа возвышается, разумъ вступаетъ въ свои права! Возрожденный, ты становишься воистину царемъ природы!»

Наполеонъ въ это время преклонялся предъ дѣятелями революціи, начиная съ Мирабо и кончая Робеспьеромъ... Но

онъ оставался прежде всего корсиканцемъ; имъ всецѣло владѣло чувство «корсиканскаго патріотизма».

Въ его душѣ были еще живы воспоминанія о дѣтскихъ годахъ на родинѣ; а эти воспоминанія рисовали его воображенію непрерывный рядъ насилій французовъ при занятіи острова, стремившагося отстоять свою независимость подъ предводительствомъ знаменитаго корсиканскаго патріота Паоли. И вотъ, какъ только началась революція, онъ взялъ отпускъ и отправился въ Корсику, которую Конститюанта объявила французскимъ «департаментомъ», даровавъ ей самоуправленіе. Здѣсь онъ зачислился въ ряды національной гвардіи съ чиномъ подполковника и принялъ горячее участіе въ національномъ движеніи, имѣвшемъ цѣлью установленіе автономіи острова. Но въ поднявшейся ожесточенной борьбѣ партій ему не удалось играть ту первенствующую роль, на которую онъ разсчитывалъ, тайно мечтая о полномъ освобожденіи Корсики отъ Франціи, и, перессорившись съ вождями партій, онъ возвратился во Францію.

Въ 1792 году мы видимъ его въ Парижѣ. Это было самое тяжелое время въ его жизни. Бѣдность, граничившая съ нищетой, заботы о содержаніи братьевъ и сестеръ, оставшихся на попеченіи матери въ Аячіо*), заставляли его тратить время и энергію на поиски заработка, такъ какъ офицерскаго жалованья не хватало. Могучія событія неслись мимо него бѣшеннымъ потокомъ, а онъ принужденъ былъ безъ всякаго успѣха околачивать пороги министровъ, ища какого-нибудь мѣстечка. Онъ заложилъ даже часы, питался порціей въ 6 су и одно время собирался даже превратиться въ съемщика квартиръ. Неудачи, а болѣе всего неудовлетворенное честолюбіе, произвели въ его характерѣ рѣзкую перемѣну. Впечатлительный, рѣшительный юноша бросаетъ свою откровенность, становится сдержаннымъ, какъ опытный дипломатъ. Житейскія наблюденія утверждаютъ его въ мысли, что для полученія успѣха необходимо не только дерзать, но и лукавить. Причисляя себя къ философамъ XVIII вѣка, горячо отстаивая въ своихъ литературныхъ опытахъ идеи Руссо и Рейналя, онъ въ то же время

*) Главный городъ Корсики.

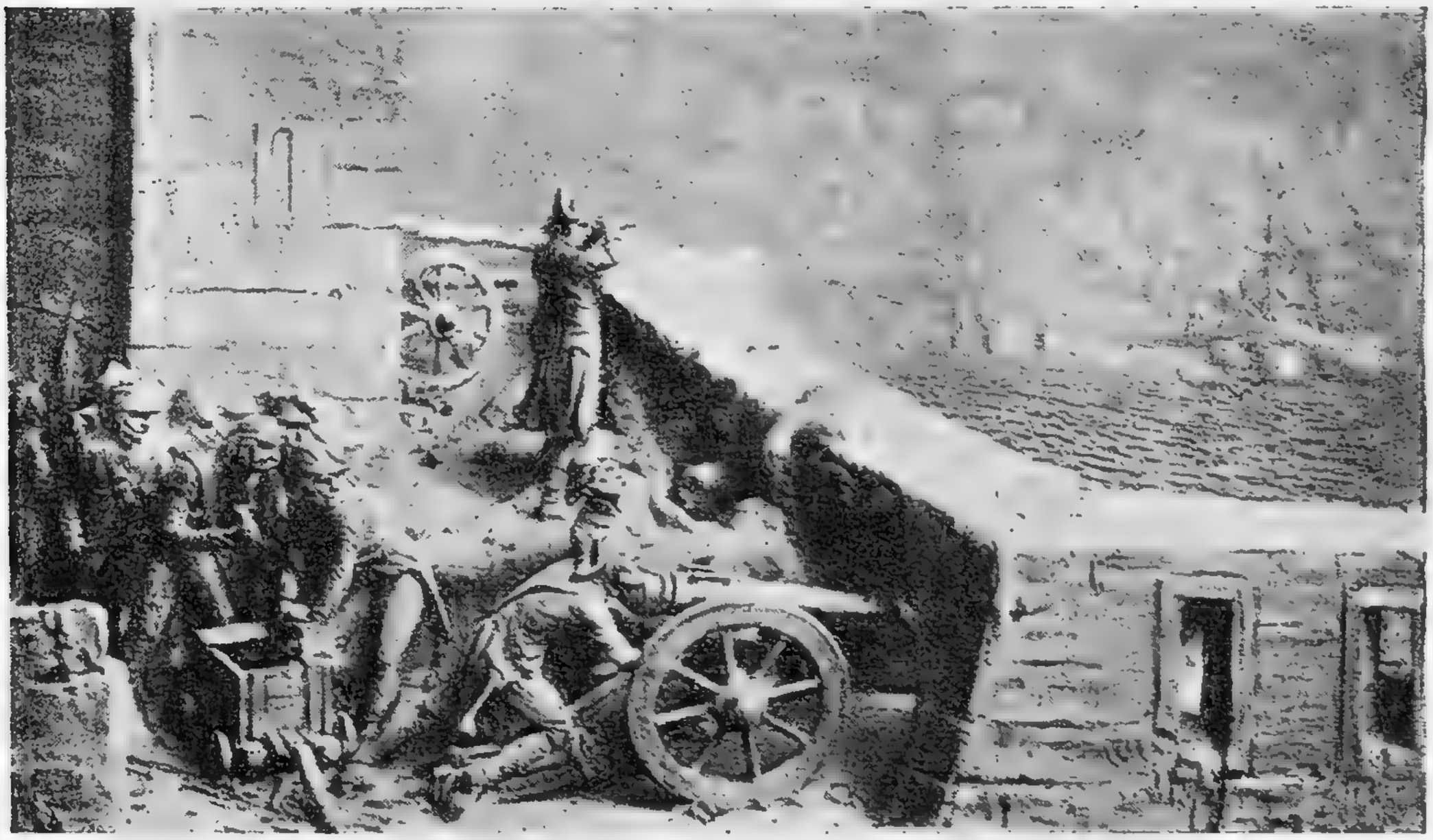
увлекается макіавелизмомъ и отдается тщательному изученію Макіавеля *). Въ немъ развивается способность вести двойную игру: мечтая овладѣть Корсикой, онъ въ то же время не желаетъ разрывать и съ ненавистной ему поработительницей его родины. Онъ открыто называлъ себя сторонникомъ конституціи, установленной Учредительнымъ Собраніемъ; но мысль о Корсикѣ его не оставляла. Онъ снова беретъ отпускъ и ѣдетъ въ Аячіо. И снова его постигаетъ неудача. Онъ окончательно разсоривается и съ корсиканскими патріотами и съ самимъ «батюшкой» Паоли, который, вернувшись изъ изгнанія въ началѣ революціи, теперь мечталъ о мирномъ существованіи Корсики подъ властью обновленной Франціи.

Но вотъ Учредительное Собраніе смѣняется Законодательнымъ; послѣ казни короля провозглашается республика; Франція начинаетъ одерживать побѣды надъ коалиціей. Открывается широкое поле для честолюбцевъ и искателей приключеній, и Наполеонъ ставитъ крестъ на своемъ корсиканскомъ патріотизмѣ и возвращается во Францію, откуда онъ выѣзжалъ подъ видомъ отпуска по семейнымъ обстоятельствамъ. Въ его жизни начинается новый періодъ: вмѣсто безвѣстнаго корсиканца Набуліоне Буонапарте на сцену выступаетъ Наполеонъ Бонапартъ. Это былъ тотъ моментъ, когда война Франціи съ Европой находилась въ самомъ разгарѣ и когда Франція, руководимая Конвентомъ, превратилась въ сплошную «военную мастерскую», въ которой Карно организовываетъ свои 14 армій. Талантливые и рѣшительные люди были нужны, а Наполеонъ не замедлилъ проявить и талантъ и рѣшимость. Въ чинѣ капитана артиллеріи попалъ онъ въ армію, отправленную для осады Тулона, перешедшаго на сторону коалиціи противъ республики и открывшаго свою гавань для англійскихъ эскадръ. Послѣ первой же стычки съ тулонцами во время произведенной ими вылазки въ «МонитерѢ» (парижская офиціальная газета) былъ упомянутъ Буона-Парте, какъ наиболѣе отличившійся офицеръ. За-

---

*) Итальянскій писатель XVI в., мечтавшій объ объединеніи раздробленной тогда Италіи въ одно государство и проводившій въ своемъ сочиненіи «Государь» мысль, что въ политикѣ цѣль оправдываетъ средства.

тѣмъ ему удалось отстоять свой простой, геніальный планъ наступленія, въ основѣ котораго лежала заимствованная изъ новой тактики Карно идея «подавленія врага сплоченною мощью артиллеріи и нравственнымъ вліяніемъ смѣлости». Подобравъ способныхъ помощниковъ и стянувъ отовсюду много пушекъ, провіанта, людей и лошадей, онъ сдѣлался «душою осады». Прошло немного времени, и вся Франція была поражена примѣромъ «мастерскаго удара», — быстраго взятія несокрушимой твердыни, безъ инженерныхъ подходовъ, одною ловкою постановкой баттарей и отчаянными приступами, въ



Осада Тулона.

которыхъ капитанъ Буона-Парте являлся для солдатъ образцомъ безразсудной храбрости. Не помогли Тулону и англійскія суда, производившія при штурмѣ отрядомъ Наполеона главнаго редута по 100 выстрѣловъ изъ пушекъ въ минуту.

Послѣ этого подвига, въ которомъ впервые обнаружились всѣ преимущества новой военной тактики и всѣ способности будущаго геніальнаго полководца, начальство осадной арміи писало въ Парижъ: «Большія научныя свѣдѣнія, такой же умъ, а храбрость даже чрезмѣрная—вотъ слабый очеркъ достоинствъ этого рѣдкостнаго офицера... Повысьте его, не то онъ

самъ возвысится». Этотъ подвигъ далъ сразу Наполеону чинъ бригаднаго генерала. Впослѣдствіи онъ всегда съ особенною любовью вспоминалъ Тулонъ, какъ «первый поцѣлуй славы, какъ предтечу своей звѣзды».

Паденіе Тулона было спасеніемъ Конвента, уже окруженнаго толпою внутреннихъ враговъ: безъ него англичане и австріійцы уже были бы въ предѣлахъ Франціи. Немудрено, что

Генералъ Бонапартъ.

24-лѣтній генералъ былъ послѣ своего подвига немедленно отправленъ въ новую «итальянскую» армію, на которой сосредоточивалось вниманіе всего міра, въ качествѣ инспектора береговыхъ укрѣпленій. Прошло еще немного времени, и инспекторъ береговыхъ укрѣпленій превратился въ главнокомандующаго итальянской арміей, перегнавъ по службѣ такого талантливаго и заслуженнаго полководца, какимъ былъ дивизіонный

генералъ этой арміи Массена. Такому быстрому успѣху Наполеона помогла услуга, оказанная имъ Конвенту въ его борьбѣ съ роялистами. Когда въ Конвентѣ одержала верхъ партія, враждебная террору, роялисты, соединившись съ горожанами Парижа, подняли возмущеніе противъ Конвента. Усмиреніе этого

Императрица Жозефина.

возстанія было поручено Наполеону, который послѣ этого былъ сдѣланъ начальникомъ всѣхъ внутреннихъ военныхъ силъ республики. Подъ его покровомъ была объявлена «Конституція III года», установившая Директорію. И это былъ важный моментъ въ исторіи Франціи: новая форма правленія началась

съ работы пушекъ и штыковъ; гражданская власть становилась подъ охрану военной; расчищался путь къ цезаризму. Налицо былъ и новый Цезарь. Наполеонъ прекрасно оцѣнилъ значеніе пережитаго момента: послѣ казни Робеспьера и его товарищей якобинскому республиканству былъ положенъ конецъ; положенъ былъ конецъ и попыткамъ возстановленія Бурбоновъ; на сцену выступала буржуазія, желавшая порядка и спокойствія во что бы то ни стало; эмигранты стали возвращаться. Наполеонъ окончательно почувствовалъ подъ ногами твердую почву и обратился къ своимъ семейнымъ дѣламъ: устроивъ свою мать, братьевъ и сестеръ во Франціи, онъ устроилъ и свой семейный очагъ, женившись на Жозефинѣ Богарнэ, вдовѣ гильотинированнаго генерала, имѣвшей большія связи во вліятельныхъ сферахъ Парижа, необходимыя для дальнѣйшей карьеры Наполеона. Эти связи помогли ему во всякомъ случаѣ упрочить свое положеніе, послѣ того какъ онъ едва не погибъ незадолго передъ этимъ. Случилось же это слѣдующимъ образомъ.

Послѣ казни Робеспьера на него донесли, какъ на главнаго «изобрѣтателя плановъ» у бывшаго тирана и какъ на главнаго виновника смуты въ Корсикѣ. Наполеонъ Бонапартъ былъ арестованъ и лишенъ генеральства. Но судьба ему покровительствовала: ловкій корсиканецъ, про котораго товарищи говорили, что онъ «кончитъ тономъ или эшафотомъ», сумѣлъ оправдаться. Недѣли двѣ послѣ его ареста начальство, разсмотрѣвъ захваченныя у него бумаги и допросивъ его, пришло къ заключенію, что арестантъ «можетъ быть полезенъ республикѣ своими военными планами и мѣстными познаніями». Ему возвратили генеральство...

Въ мартѣ 1796 г., вскорѣ послѣ своей женитьбы, онъ отправился въ итальянскую армію.

Посмотримъ, въ какомъ положеніи были дѣла Франціи въ эту эпоху.

Успѣхи французской республики къ этому времени представлялись современникамъ «чудесами, безпримѣрными въ лѣтописяхъ міра». Сами, повидимому, погибая въ хаосѣ анархіи, французы выступили почти противъ всей Европы и вышли

побѣдителями изъ безумной борьбы. Съ начала 1794 года они уже вездѣ были за своими границами. Избитая коалиція монарховъ распалась. Англія послѣ усмиренія Вандеи ожидала высадки французскихъ войскъ на своей территоріи. Бельгія и голландская Фландрія были присоединены къ Франціи. Остальная Голландія стала вассаломъ Франціи, подъ именемъ Батавской республики. Король прусскій Фридрихъ—Вильгельмъ II, отвлеченный на востокъ окончательнымъ раздѣломъ Польши, измѣнилъ союзникамъ и заключилъ съ Франціей отдѣльный міръ, уступивъ ей лѣвый берегъ Рейна; весь сѣверъ Германіи былъ объявленъ нейтрализованнымъ, лишь подъ протекторатомъ Пруссіи. Германской имперіи былъ нанесенъ смертельный ударъ, и Пруссія обратилась въ послушное орудіе французской республики. Между прусскими Гогенцолернами и австрійскими Габсбургами посѣянъ былъ непримиримый раздоръ, а нравственное значеніе самой Пруссіи среди остальныхъ нѣмецкихъ государствъ было совершенно подорвано. Словомъ, республика торжествовала: ея владѣнія достигли теперь Рейна, Альпъ, Пиринеевъ, т.-е. своихъ естественныхъ границъ. Военные успѣхи Франціи мало-по-малу начинали содѣйствовать ея внутреннему умиротворенію. Казалось, путь къ міродержавію молодой республики былъ проложенъ.

Такова была обстановка, среди которой Наполеонъ выступилъ въ роли главнокомандующаго итальянской арміей. Ему предстояло продолжать успѣшно начатое дѣло, чтобы получить подготовленные предшествующими событіями лавры. И если въ Парижѣ Бонапартъ былъ только человѣкомъ извѣстной партіи, то теперь, сдѣлавшись главнокомандующимъ итальянской арміи, онъ явился героемъ всей націи, а при удачѣ могъ сдѣлаться и «міровымъ геніемъ».

Внутреннее состояніе Франціи въ это время хотя и начало улучшаться, но все же было еще чрезвычайно затруднительнымъ. Въ казнѣ не было денегъ; всюду свирѣпствовалъ голодъ; обработка земли пала отъ недостатка рабочихъ рукъ, лошадей и удобренія; торговля, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя, была въ застоѣ; не было кредита ни дома ни за границей. При такихъ условіяхъ требовались внезапныя, чудесныя побѣды въ

Италіи, въ этой странѣ, славившейся своими богатствами, накопленными въ теченіе вѣковъ благодаря міровой торговлѣ и благодатной природѣ.

При первомъ появленіи въ Италіи въ душѣ Наполеона пробудилось прежде всего чувство итальянца. Освободившись отъ узкаго корсиканскаго патріотизма, онъ является теперь патріотомъ—итальянцемъ. Его охватила мечта освободить «скованную красавицу» и «возстановить итальянское отечество». «Народы Италіи!—возвѣщалъ онъ въ своемъ воззваніи,—французская армія пришла разбить ваши цѣпи. Французскій народъ—другъ всѣхъ народовъ. Идите къ нему съ довѣріемъ! Республика, поклявшись ненавидѣть тирановъ, поклялась также въ вѣрности братству народовъ. Побѣдоносныя арміи наглыхъ королей, конечно, должны распространять ужасъ среди побѣжденныхъ; но республиканская армія, вынужденная воевать насмерть съ королями, посвѣщаетъ себя дружбѣ народовъ, которыхъ ея побѣды освобождаютъ отъ тиранніи». Одновременно съ этимъ воззваніемъ къ населенію Италіи Наполеонъ издалъ воззваніе и къ солдатамъ французской арміи. «Нужно освободить Италію,—говорилось въ этомъ воззваніи,—нужно и здѣсь снять оковы съ народа». Эти воззванія имѣли громадный успѣхъ: подъемъ національнаго духа въ Италіи и одушевленіе войска были ему отвѣтомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ росла и его популярность среди итальянскаго населенія и среди солдатъ, поддерживаемая блестящими подвигами надъ австріійцами, занимавшими Италію. Повсюду его привѣтствовали празднествами «возрожденія итальянской свободы и отечества». Немудрено, что юный полководецъ вскорѣ сдѣлался не только идоломъ солдатъ, пугаломъ тирановъ, надеждой народовъ, но и божкомъ передовой интеллигенціи. Теперь то Наполеонъ развернулъ свой геній во всю ширь...

Но вскорѣ тотъ идеализмъ, которымъ были проникнуты французская армія и ея вождь, смѣнился грубою прозой практицизма. Суровая дѣйствительность не замедлила создать въ нихъ это новое настроеніе. Наполеонъ нашелъ французскую армію въ Италіи почти совершенно безъ денегъ и безъ запасовъ. Изъ Франціи нельзя было получить ничего. Армія не только

должна была содержать себя сама, но и доставлять средства казнѣ; такъ было условлено между Директоріеіі и Наполеономъ при его назначеніи главнокомандующимъ. И вотъ вслѣдъ за призывомъ къ освобожденію Италіи Наполеонъ издалъ прокламацію къ своимъ воіискамъ, въ котороіі, какъ сатана-искуситель, затронулъ самыя чувствительныя струны человѣческоіі души. «Солдаты! вы наги,—сказано было въ этоіі прокламаціи, —васъ кормятъ впроголодь; правительство много задолжало вамъ и ничего не можетъ дать. Терпѣніе, мужество, которыя вы проявили среди этихъ скалъ, дѣлаютъ вамъ честь; но они не доставили вамъ ни силы ни выгодъ. Я сведу васъ въ самыя плодоносныя долины въ мірѣ. Передъ вами раскинутся роскошныя области, большіе города; вы наіідете тамъ почести, славу и б о г а т с т в о. Неужели же у васъ не хватитъ доблести, мужества и стоіікости?»

Теперь вождь—республиканецъ сознавалъ, что онъ дѣлается диктаторомъ, ибо содержать на свои средства правительство, у котораго казна была совершенно пуста, являлось наилучшимъ средствомъ къ установленію диктатуры. Но формальной диктатуры не было: Наполеонъ не торопился къ формальному захвату власти, ожидая, по его циничному выраженію, пока «груша созрѣетъ», чтобы сорвать ее. Совершилось превращеніе въ вождѣ—измѣнилась и армія. Довольно быстро стушевался симпатичныіі типъ безкорыстнаго, идеіінаго «солдата-босоножки» первыхъ призывовъ ополченія, французскііі солдатъ все болѣе и болѣе начиналъ интересоваться не столько освобожденіемъ народовъ отъ тиранновъ, сколько добычеіі, а его генералы обнаружили непреодолимую склонность къ своекорыстію и къ наживѣ: они начинали уже послѣ каждоіі побѣды возить за воіісками груды сокровищъ въ своихъ телѣгахъ. Здѣсь, въ Италіи, вполнѣ сформировалась та сила, которая впослѣдствіи сдѣлалась страшнымъ оружіемъ въ рукахъ Наполеона: его непобѣдимая и жадная къ добычѣ армія.

Въ короткое время вся Италія была порабощена: старинная независимая Генуя была превращена въ Лигуріійскую республику; отнятая у австріійцевъ Ломбардія обратилась въ республику Цизальпинскую; обѣ республики,—получившія устроіі-

ство, аналогичное съ устройствомъ Франціи,—были поставлены подъ ея протекторатъ. Мелкіе итальянскіе правители и самъ папа, глава католической церкви и государь Церковной области, уплативъ громадную контрибуцію, вышли изъ коалиціи. Изъ Италіи война была перенесена за Альпы въ Австрію, и послѣдняя должна была заключить съ Франціей отдѣльный міръ, уступивъ ей Бельгію и отказавшись отъ своихъ притязаній на лѣвый берегъ Рейна, въ обмѣнъ на предоставленную ей Наполеономъ Венецію. Вскорѣ затѣмъ Франція подчинила себѣ и Церковную область, превративъ ее въ Римскую республику, потомъ Швейцарію и Неаполь, изъ которыхъ образовались республики Гельветическая и Партенопейская*). Такимъ образомъ «война — пропаганда» закончилась образованіемъ цѣлаго ряда зависимыхъ отъ Франціи «сестеръ-республикъ».

Увлеченный своимъ колоссальнымъ успѣхомъ, Наполеонъ задумалъ нанести рѣшительный ударъ главному и исконному врагу Франціи, Англіи. Чтобы подорвать ея могущество, опиравшееся на міровую торговлю и на обладаніе Индіей, Наполеонъ предпринялъ экспедицію на Востокъ съ цѣлью, подчинивъ Франціи Египетъ и Сирію, овладѣть Индіей. Экспедиція эта была слишкомъ фантастична, чтобы имѣть успѣхъ, тѣмъ болѣе, что борьба Франціи съ Европой осложнилась образованіемъ противъ нея второй коалиціи, въ которую вошли теперь Россія и Турція. Душою этой новой коалиціи былъ императоръ Павелъ I, выступившій на защиту монархическаго принципа противъ пропаганды республиканскихъ идей и противъ дальнѣйшихъ территоріальныхъ захватовъ Франціи, нарушавшихъ европейское равновѣсіе.

Къ берегамъ Италіи была отправлена русская эскадра, уничтожившая республику въ Неаполѣ и возстановившая Бурбоновъ. Въ то же время русскія войска, подъ начальствомъ Суворова, дѣйствовавшія въ сѣверной Италіи, нанесли фран-

---

*) Древнія названія Швейцаріи и Неаполя. Папа Пій VI изъ Рима былъ увезенъ во Францію, гдѣ вскорѣ и умеръ. Изъ Неаполитанскаго королевства Бурбоны были изгнаны.

цузскимъ войскамъ, оставшимся безъ своего геніальнаго вождя, рядъ пораженій. Но успѣхи Суворова,—единственнаго полководца въ коалиціи, который могъ тягаться съ Наполеономъ и другими генералами изъ школы Карно,—были остановлены Вѣнскимъ военнымъ совѣтомъ, которому онъ былъ подчиненъ. Стремясь организовать въ Италіи національное движеніе противъ владычества французовъ, въ которыхъ къ этому времени итальянцы успѣли разочароваться, Суворовъ оказался для Австріи неудобнымъ: это движеніе впослѣдствіи, послѣ изгнанія французовъ, могло обратиться и противъ ея владычества въ Италіи. По приказанію Вѣнскаго военнаго совѣта онъ принужденъ былъ оставить Италію и итти въ Швейцарію на соединеніе съ корпусомъ Римскаго-Корсакова, тѣснимаго войсками французскаго маршала Массены. Вмѣсто русскихъ войскъ, еще до выступленія ихъ изъ Италіи, двинулся туда съ своими войсками эрцгерцогъ Карлъ, оставивъ Римскаго-Корсакова на произволъ судьбы. Послѣ героическаго перехода черезъ Альпы, прославившаго геніальнаго русскаго полководца и выносливаго русскаго солдата, Суворовъ вступилъ въ Швейцарію, но опоздалъ: Римскій-Корсаковъ былъ разбитъ Массеной. Массена пытался загородить дорогу Суворову, надѣясь взять его въ плѣнъ со всѣмъ войскомъ, но самъ потерпѣлъ неудачу: отряженный противъ него Суворовымъ генералъ Розенбергъ нанесъ ему пораженіе. Эта побѣда, какъ и всѣ успѣхи Суворова, осталась для коалиціи безплодною. Павелъ I, возмущенный своекорыстными и безтактными дѣйствіями Австріи, выступилъ изъ коалиціи и отозвалъ свои войска въ Россію.

Между тѣмъ Наполеонъ, увлеченный своимъ фантастическимъ предпріятіемъ, потерпѣлъ неудачу. Высадившись въ Египтѣ, онъ былъ отрѣзанъ отъ Европы. Его флотъ у береговъ Египта былъ истребленъ англійскимъ адмираломъ Нельсономъ. Правда, ему удалось въ нѣсколько недѣль завоевать Египетъ. Затѣмъ, овладѣвъ Яффой въ Сиріи, онъ разбилъ при Абукирѣ явившееся въ Египетъ англо-турецкое войско. Но все это были весьма непрочные успѣхи: армія его таяла отъ чумы и другихъ болѣзней, и Наполеонъ понялъ, что, оставаясь долѣе въ Египтѣ, онъ потеряетъ все и погубитъ свою блестящую карьеру. Онъ

предпочелъ спасти себя и потерять армію. Обстоятельства помогли ему сдѣлать это съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ приличій. Франція, о которой онъ не имѣлъ свѣдѣній въ теченіе десяти мѣсяцевъ, терпѣла неудачи въ непосильной борьбѣ со второю коалиціей и нуждалась въ спасителѣ. Директорія возбудившая противъ себя своею полною неспособностью справиться съ внутренними и внѣшними затрудненіями общее негодованіе, сообщила наконецъ ему о войнѣ съ новой коалиціей, предоставляя ему полную свободу дѣйствій. Пользуясь этимъ, Наполеонъ оставилъ египетскую армію подъ начальствомъ Клебера и, въ сопровожденіи маленькаго отряда, на одномъ кораблѣ вернулся во Францію. Онъ не считалъ себя дезертиромъ: онъ летѣлъ спасать отечество отъ «непоправимой бѣды». Къ тому же побѣда, одержанная имъ надъ англо-турецкимъ войскомъ при Абукирѣ, по его словамъ, должна была надолго обезпечить судьбу арміи въ Египтѣ*).

Но Франція и безъ Наполеона спаслась отъ непоправимой бѣды. Съ выходомъ изъ коалиціи Россіи дѣла ея поправились. Тѣмъ не менѣе страна встрѣтила съ восторгомъ своего славнаго полководца. Моментъ для дальнѣйшей карьеры Наполеона былъ какъ нельзя болѣе благопріятный. Огромное большинство націи, находясь подъ впечатлѣніемъ извѣстія объ абукирской побѣдѣ (которое, кстати сказать, Наполеонъ отправилъ съ такимъ расчетомъ, чтобы оно прибыло во Францію непосредственно предъ его пріѣздомъ), жаждало любимца счастія, генія побѣдъ, чтобы избавиться отъ позора пораженій. Оно пуще всего боялось возвращенія краснаго террора и съ недовѣріемъ относилось къ Директоріи, начинавшей, повидимому, склоняться къ якобинству. Всѣ мечтали объ установленіи порядка и законности. Въ умахъ многихъ слагался уже идеалъ ограниченной монархіи, и у большинства упрочилась мысль о томъ, что во всякомъ случаѣ необходимо усилить исполнительную власть. При такихъ обстоятельствахъ Наполеонъ могъ своимъ проницательнымъ умомъ легко понять, что «груша созрѣла» и что наступалъ удобный моментъ ее сорвать.

---

*) Эта армія, однако, вскорѣ принуждена была сдаться на капитуляцію.

По всему пути отъ Тулона до Парижа народъ стекался взглянуть на избавителя, прикоснуться къ его одеждѣ. Его экипажъ съ трудомъ пробирался сквозь толпы. По ночамъ всю-

Наполеонъ I-й консулъ.

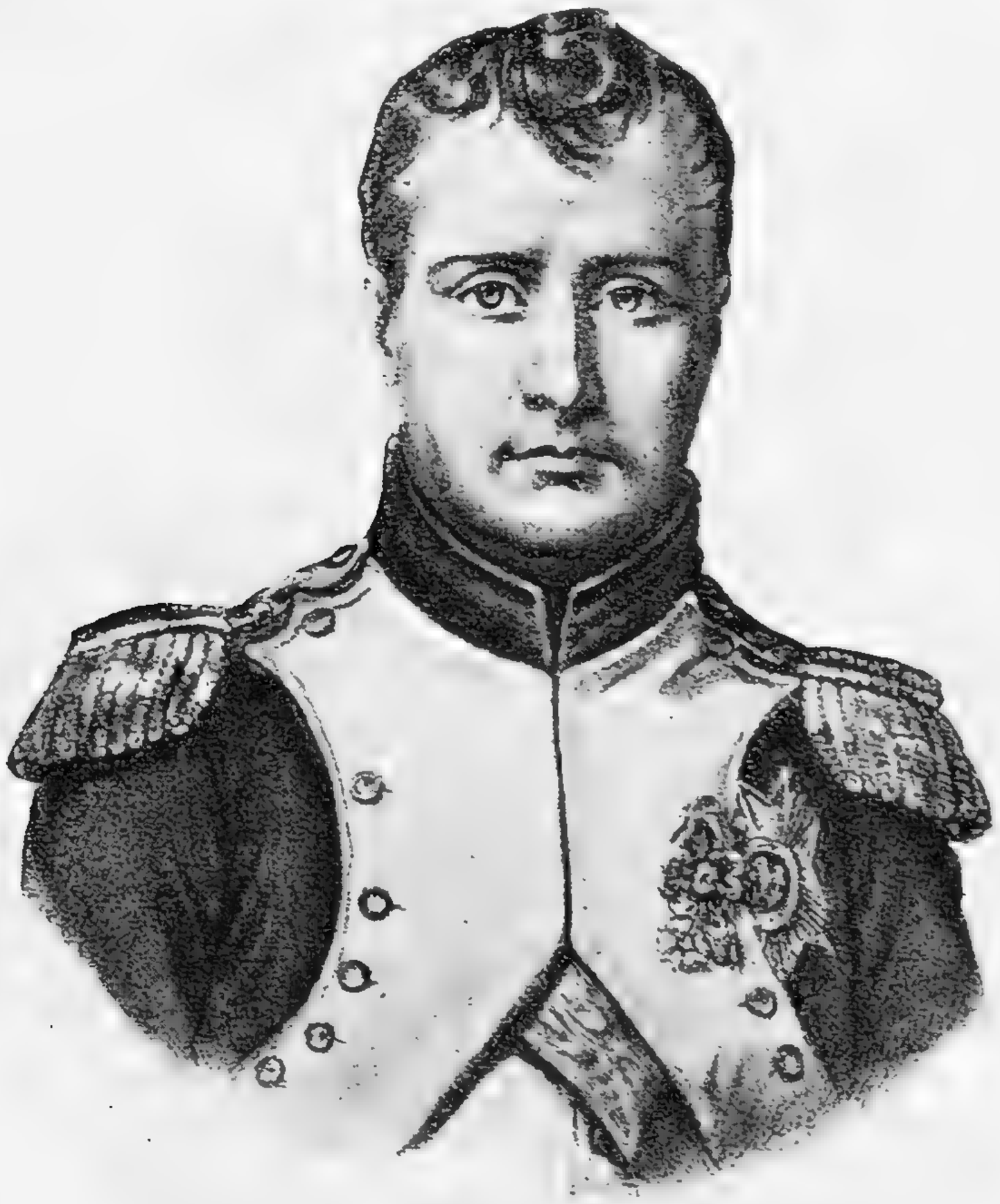
ду пылали иллюминаціи. Въ столицѣ искренній восторгъ охватилъ улицы, кофейни, театры. Газеты наполнялись длинными разсказами о каждомъ словѣ и движеніи генерала, одержавшаго

въ Египтѣ блестящую побѣду надъ англичанами и турками и завоевавшаго древнюю, сказочную страну пирамидъ. И въ это время не только благоговѣли передъ Наполеономъ: его любили, ему довѣряли, на него надѣялись. Словомъ, «возвращеніе героя» стало какъ бы лозунгомъ всей націи. При такихъ обстоятельствахъ Наполеону не трудно было совершить государственный переворотъ 18-го брюмера (9-го ноября 1799 г.), замѣнившій Директорію консульствомъ и утвердившій преобладаніе правительства надъ народнымъ представительствомъ. Законодательная власть распредѣлена была между государственнымъ совѣтомъ, трибунатомъ, закодательнымъ корпусомъ и сенатомъ, а исполнительная была вручена первому консулу и его двумъ помощникамъ, съ избраніемъ всѣхъ троихъ на 10 лѣтъ. Первымъ консуломъ былъ избранъ Наполеонъ.

Теперь надъ 30-лѣтнимъ героемъ сосредоточены были надежды не только Франціи, но и всей Европы. Надѣялись, что онъ положитъ конецъ кровопролитіямъ повсюду, откроетъ эру мира, явитъ всему свѣту образецъ внутренняго устроенія великой націи, до корней расшатанной бурями десятилѣтней революціи. И самъ Наполеонъ поддерживалъ эти надежды. «Неужели же вѣчно быть войнѣ,—писалъ онъ англійскому королю Георгу III,—уже десять лѣтъ опустошающей четыре части свѣта? Какъ это двѣ просвѣщеннѣйшія націи въ Европѣ, могущественныя болѣе, чемъ это нужно для ихъ безопасности и независимости, жертвуютъ благами торговли, внутреннимъ процвѣтаніемъ, семейнымъ счастіемъ идеѣ суетнаго величія! И не чувствуютъ онѣ, что миръ—вотъ первая потребность и лучшая слава». Увы! Это были лишь лицемѣрныя слова «обворожительнаго политика», воспитаннаго на макіавелизмѣ, долженствовавшія усыпить противниковъ и выиграть время, необходимое для внутренняго устроенія Франціи. Въ глубинѣ же души Наполеонъ сознавалъ, что только постоянная война, съ кратковременными перемиріями, только военные успѣхи могутъ поддерживать его на той высотѣ, на которой онъ думалъ укрѣпиться.

Но какъ бы то ни было, эпоха консульства была эпохой проявленія лучшихъ сторонъ генія Бонапарта: тогда онъ до-

бился осуществленія нѣкоторыхъ идеаловъ роволюціи, насколько дозволяли обстоятельства и его собственное властолюбіе. Новая форма правленія, служившая переходомъ отъ республики къ имперіи, дала возможность Наполеону совершить рядъ реформъ, великихъ по широтѣ замысла и быстротѣ исполненія, хотя и проникнутыхъ духомъ цезаризма,—реформъ, богатыхъ послѣдствіями. Его администрація была образцомъ вездѣ, вызывая подражаніе во всеї Европѣ; прекрасное законодательство (Кодексъ Наполеона) послужило на пользу не только Франціи, но и другимъ народамъ; матеріальные успѣхи, при быстромъ ростѣ торговли и промышленности и при столь же быстромъ развитіи техническаго образованія, были изумительны, возникая словно изъ ничего. И едва ли не больше, чѣмъ въ области законодательства и администраціи, Бонапартъ пора-



Наполеонъ I.

зилъ міръ своей геніальностью въ финансовомъ хозяйствѣ. Получивъ въ наслѣдство отъ директоріи не только пустую казну, но еще кучу долговъ (даже чиновникамъ) и 258 милліоновъ государственнаго долга, при полномъ отсутствіи въ то время косвенныхъ налоговъ и при чудовищной недоимкѣ прямыхъ податей, простиравшейся до одного милліарда, Наполеонъ быстро организовалъ финансовую систему, благодаря которой, безъ особеннаго обремененія народа и съ болѣе справедливымъ распредѣленіемъ податей, государственная казна достигла такого процвѣтанія, какого не зналъ дотолѣ свѣтъ. Словомъ, первый консулъ далъ, такъ сказать, Франціи возможность жить и дышать. Могучей, смѣлой и талантливой рукой онъ заложилъ «гранитныя глыбы», по выраженію одного историка, въ основаніе расшатаннаго революціей общества. Тогда то и родилась новая Франція, которая и теперь живетъ основами, подведенными Наполеономъ подъ ея внутреннее строеніе.

Но во всей этой работѣ уже тогда была видна рука деспота. И это особенно рѣзко сказалось въ духовной жизни Франціи. Возстановивъ католическую церковь, онъ подчинилъ ее своей власти. Создавъ цѣлую педагогическую систему и наполнивъ Францію школами, онъ поставилъ своею цѣлью не развитіе науки и просвѣщенія среди народныхъ массъ, а выработку «хорошихъ гражданъ», способныхъ безпрекословно подчиняться правительству: вездѣ, не исключая высшаго преподаванія, господствовали освященные государствомъ методы и уставы. Мысль Конвента о широкомъ образованіи народныхъ массъ и о даровомъ обученіи казалась Наполеону «романомъ»: онъ требовалъ для народа прежде всего религіи, а затѣмъ «самаго необходимаго», чтобы только человѣкъ не былъ «слѣпымъ орудіемъ среды», т.-е. природы. Даже для среднихъ школъ, лицеевъ, онъ считалъ совершенно достаточнымъ «немножко латыни и математики», да голой номенклатуры по литературѣ и исторіи. Что касается печати, то она была подчинена строжайшей цензурѣ.

Гнетъ такихъ порядковъ вызвалъ оппозицію противъ Наполеона и рядъ заговоровъ на его жизнь. Но у Наполеона была прекрасно организована полиція, во главѣ которой стоялъ все-

вѣдущій и на все готовый Фушэ, и къ концу консульства и заговоры, и оппозиція прекратились. Карьера Наполеона развивалась уже безъ всякихъ препятствій. Внѣшняя политика перваго консула ознаменовалась окончаніемъ войны со второю коалиціей. Лично предводительствуя войсками, Наполеонъ снова отнялъ у австрійцевъ сѣверную Италію и заключилъ

Наполеонъ—Императоръ.

миръ, сначала съ Австріей, а затѣмъ съ Англіей и Турціей. Французскій сенатъ, во всемъ покорный Наполеону, облекъ его пожизненною консульскою властью, объявивъ ее наслѣдственной въ его семействѣ, а вскорѣ за тѣмъ, при общемъ сочувствіи народа, Наполеонъ принялъ титулъ императора. Это

было въ 1804 году. Такъ завершилась карьера «рокового человѣка» изъ поручиковъ въ императоры.

Укажемъ теперь главнѣйшіе моменты дальнѣйшей его жизни до войны двѣнадцатаго года. Въ 1805 году онъ одержалъ верхъ въ борьбѣ съ третьей коалиціей, въ которой главную роль играли Австрія, Пруссія и Россія; въ 1807 году онъ заключилъ Тильзитскій миръ съ императоромъ Александромъ I, а въ 1812 г. произвелъ вторженіе въ Россію, ведя одновременно борьбу съ возставшимъ народомъ въ Испаніи, гдѣ онъ вмѣсто изгнаннаго короля Фердинанда VII посадилъ на престолъ брата своего Іосифа.

Въ заключеніе постараемся вглядѣться въ характерныя черты личности Наполеона, которыя окончательно къ этому времени опредѣлились.

Характеръ человѣка складывается подъ вліяніемъ двухъ факторовъ: наслѣдственности и окружающей среды. Съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія мы и попробуемъ сдѣлать характеристику Наполеона.

Прежде всего въ немъ отразились типичныя черты итальянца: южная родина одарила его чудовищнымъ воображеніемъ и почти болѣзненною пылкостью. Кромѣ того, онъ до такой степени сохранилъ въ своемъ характерѣ черты, напоминающія предпріимчивыхъ, отчаянныхъ и неразборчивыхъ въ средствахъ кондотьеровъ XV вѣка, что нѣкоторые историки готовы видѣть въ немъ одинъ изъ разительныхъ образцовъ атавизма*). И это будетъ вполнѣ понятно, если мы вспомнимъ, что Наполеонъ былъ потомкомъ одного изъ представителей патриціанскихъ родовъ Тосканы, задолго до XVIII вѣка переселившагося въ Корсику, гдѣ условія жизни, отличавшіяся первобытнымъ характеромъ, какъ нельзя болѣе содѣйствовали сохраненію старинныхъ свойствъ и воззрѣній. Надъ этими наслѣдственными задатками натуры наслоились впечатлѣнія дѣт-

---

*) *Кандотьерами* назывались въ средніе вѣка въ Италіи предводители наемныхъ отрядовъ нанимавшіеся на службу къ итальянскимъ владѣтелямъ. *Atavi*—предки (лат.); *атавизмъ*—проявленіе наклонностей, свойственныхъ древнимъ поколѣніямъ.

ства и многообразныя вліянія условій жизни. Населеніе Корсики, изолированное отъ культурнаго развитія другихъ европейскихъ странъ, еще и въ XVIII вѣкѣ сохраняло существенныя особенности родового быта, содѣйствовавшаго развитію и укрѣпленію въ человѣкѣ родового и личнаго эгоизма, преобладанію родовыхъ и личныхъ интересовъ надъ широкими интересами общества и человѣчества. Наконецъ, не надо забывать, что соціальная обстановка, въ которой жила Корсика въ XVIII вѣкѣ, ничѣмъ не отличалась отъ итальянской жизни XV вѣка: полное отсутствіе гражданственности и порядка—такова была въ общихъ чертахъ эта обстановка. А гдѣ правительственная власть безсильна, гдѣ правосудіе отсутствуетъ, гдѣ общественно дѣло принадлежитъ сильнѣйшему, гдѣ междоусобныя войны свирѣпствуютъ безпрепятственно и гдѣ всякое орудіе пригодно для борьбы, тамъ въ нравахъ людей укореняются притворство, плутовство, обманъ, жестокость, склонность къ произволу и полное неуваженіе къ личному достоинству человѣка. Такова была сфера, изъ которой возникли первыя впечатлѣнія Бонапарта. Французская анархія въ эпоху революціи запечатлѣла въ его сердце правила, уже въ дѣтствѣ начертанныя въ немъ анархіей корсиканской: въ разлагающемся обществѣ подобные уроки внушаются такъ же, какъ въ обществѣ, еще не сложившемся. Весьма скоро, подъ покровомъ громкихъ теорій и фразъ, проницательный взоръ Наполеона отмѣтилъ истинную основу революціи—господство свободныхъ страстей и побѣду массы надъ меньшинствомъ: быть побѣдителемъ или побѣжденнымъ—необходимо было выбрать между двумя этими крайними условіями; средины быть не могло.

Его первою мыслью, когда онъ попалъ въ водоворотъ революціи, въ ненавистную ему Францію, было—такъ или иначе пробить себѣ и своей семьѣ дорогу, удержаться на поверхности взбаламученнаго житейскаго моря, когда гибло вокругъ безвозвратно все слабое. Затѣмъ съ каждымъ новымъ успѣхомъ въ житейской борьбѣ, его природное честолюбіе предъявляло его холодному уму все большія и большія требованія. Въ его натурѣ поразительно уживалась точность ума, доходившая до мелкой расчетливости, съ широкой фантазіей, рисовавшей ему

планы одинъ другого заманчивѣе: онъ былъ мечтатель и въ то же время тонкій практикъ, отчетливо оцѣнивавшій всѣ средства, могущія вести къ намѣченной цѣли. Его честолюбіе было безгранично. Мысль о господствѣ надъ Франціей его не долго удовлетворяла; она смѣнилась сначала идеей господства чрезъ посредство Франціи надъ Европой, а затѣмъ идеей власти черезъ Европу надъ всѣмъ міромъ. Сомнѣній въ возможности осуществленія этихъ идей онъ не зналъ. Онъ былъ фаталистомъ и вѣрилъ въ свою «звѣзду». Онъ считалъ себя

Іосифъ Бонапартъ.

исключительнымъ существомъ, созданнымъ для того, чтобы «по собственному произволу управлять міромъ и направлять всѣ умы». Весь міръ сосредоточивался для него въ его личности, въ его «я»; остальные люди, все человѣчество, это — масса, надъ которой долженъ оперировать великій человѣкъ, не считаясь съ ея завѣтными мыслями и чувствами. Отсюда—полное презрѣніе къ людямъ. «Не надѣйтесь, — писалъ онъ своему брату Іосифу, королю Испаніи,—слабостью, добротой привлечь сердца; люди низки; они пресмыкаются и служатъ одной силѣ».

Въ государственномъ человѣкѣ, по его мнѣнію, чувствительность неумѣстна: онъ на все долженъ смотрѣть «чрезъ призму политики». А въ основѣ его политики лежалъ всепоглощающій эгоизмъ, не терпящій никакой индивидуальной самостоятельной жизни, если она не является орудіемъ въ его рукахъ. Идеальныхъ воззрѣній и безкорыстныхъ стремленій, какъ стимуловъ въ общественной дѣятельности людей, онъ не признавалъ. Онъ былъ убѣжденъ, что ни одинъ человѣкъ, призванный на сцену общественной жизни, не руководится и не можетъ быть руководимъ ничѣмъ инымъ, кромѣ личныхъ интересовъ. Цивилизованному человѣку Европы и дикарю Востока, по его мнѣнію, одинаково необходимъ «господинъ-чародѣй, который покорилъ бы его воображеніе, дисциплинировалъ его, не позволялъ ему кусаться безъ нужды, держалъ бы его на привязи, охранялъ и водилъ съ собою на охоту: повиноваться—естественный его удѣлъ; онъ не заслуживаетъ ничего лучшаго и не имѣетъ другихъ правъ». Будучи главнокомандующимъ итальянской арміей, онъ однажды говорилъ откровенно одному иностранцу: «Неужели вы полагаете, что я одерживаю побѣды, чтобы возвысить авторитетъ адвокатовъ Директоріи или чтобы утвердить республику? Что за идея! Это—лишь мечта, которой увлекаются французы, но которая исчезнетъ подобно многимъ другимъ. Французамъ нужна слава, удовлетвореніе тщеславія; свобода же недоступна ихъ пониманію... Для націи необходимъ вождь, увѣнчанный военной славой, а не политическія теоріи, не фразы, не отвлеченныя разсужденія, въ которыхъ французы ничего не смыслятъ». Такой взглядъ на людей вообще, и въ частности на французовъ, объясняется отчасти односторонностью житейскихъ наблюденій Наполеона, главнымъ же образомъ—самонаблюденіемъ: идеальныхъ, отвлеченныхъ принциповъ для него самого не существовало: онъ разсматривалъ вещи лишь съ точки зрѣнія ихъ практическаго примѣненія; къ общимъ принципамъ онъ относился отрицательно, какъ къ пустому и вредному призраку, относя ихъ къ ненавистной ему области «идеологіи». Потому у него не было и великодушія. Холодный разсудокъ поглотилъ у него проблески всѣхъ другихъ качествъ: все стало для него

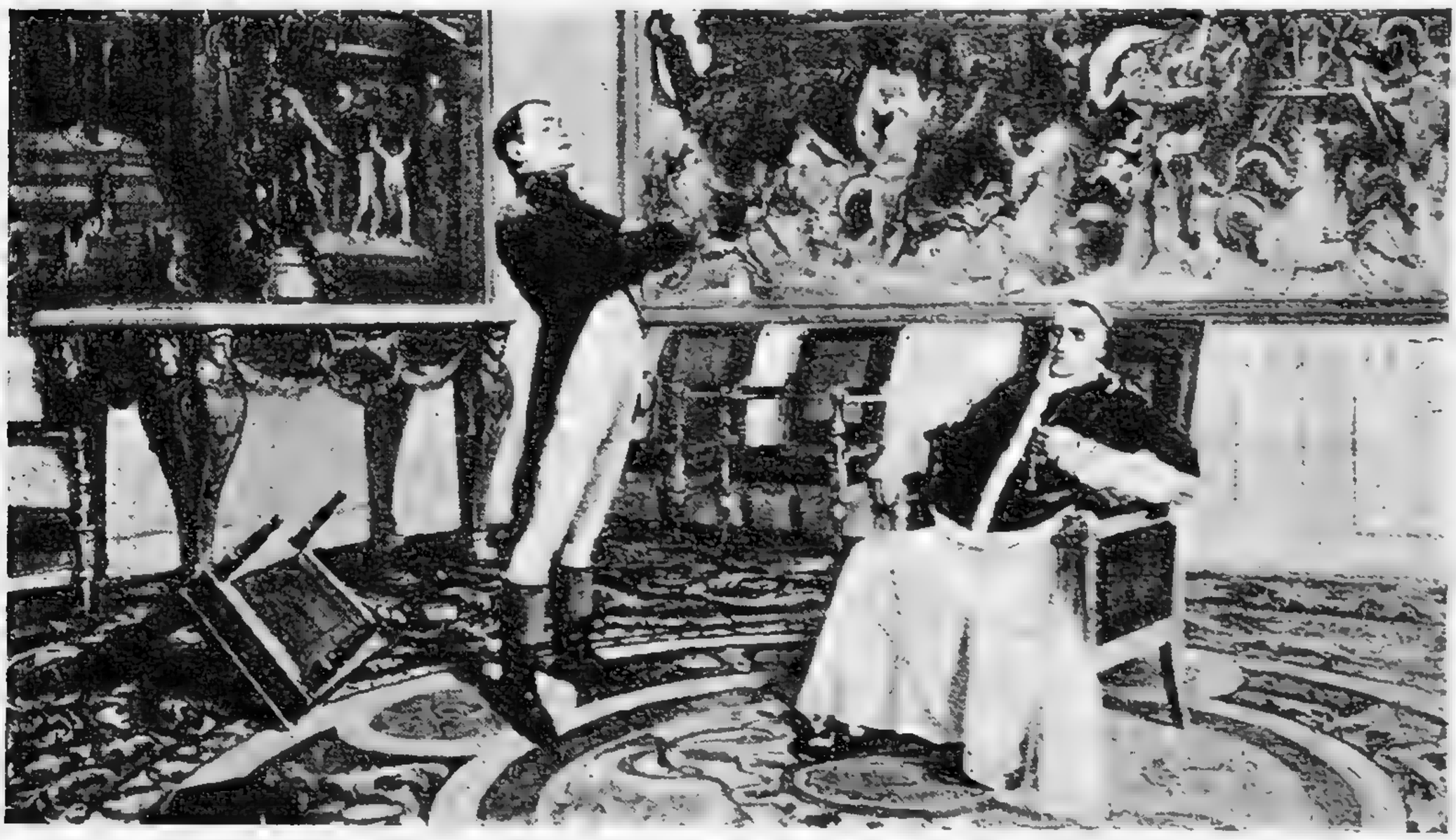
или средствомъ или цѣлью. Но этотъ холодный разсудокъ, какъ мы сказали, уживался съ пылкой фантазіей.

Его творческая фантазія усиленно заработала сейчасъ же послѣ назначенія его главнокомандующимъ въ Италіи. Уже тогда Европа стала представляться ему «ничтожной норой». «Великія имперіи и великія революціи,—говорилъ онъ,—бывали лишь на Востокѣ, населенномъ шестью стами милліоновъ жителей». Осаждая С.-Акру въ Сиріи, во время египетской экспедиціи, онъ писалъ одному изъ своихъ друзей: «Если мнѣ посчастливится, я найду въ городѣ сокровища и оружіе для 300 тыс. людей. Я подымаю и вооружаю всю Сирію, иду на Дамаскъ, углубляюсь въ страну, увеличиваю свою армію всѣми недовольными. Я объявляю народу уничтоженіе рабства и тиранніи пашей. Я вступаю въ Константинополь во главѣ громаднаго войска, разрушаю турецкую имперію, закладываю на Востокѣ новую громадную имперію, которая упрочитъ мое имя въ потомствѣ, и возвращаюсь въ Парижъ чрезъ Вѣну, низвергнувши въ Австріи царственную династію». А въ ноябрѣ 1811 года, передъ походомъ въ Россію, онъ говорилъ въ припадкѣ увлеченія: «Черезъ пять лѣтъ я буду владыкой всего міра. Остается одна Россія,—я раздавлю ее». Самый походъ въ Россію представлялся ему лишь началомъ болѣе широкаго предпріятія. «Въ концѣ концовъ,—говорилъ онъ,—этотъ длинный путь ведетъ въ Индію... Представьте себѣ, что Москва взята, Россія побѣждена, царь—въ союзѣ съ Франціей или покорный ея слуга: скажите, что помѣшаетъ тогда французской арміи и ея союзникамъ, отправившись изъ Тифлиса, достигнуть береговъ Ганга? Экспедиція эта — гигантская, я это сознаю; но она исполнима въ XIX вѣкѣ. Благодаря ей Франція одновременно завоюетъ независимость Востока и свободу морей».

Но ближайшей цѣлью Наполеона въ 1804 г. было возсозданіе имперіи Карла Великаго, чѣмъ и объясняется лишеніе имъ Франца II титула императора Священной Римской Имперіи въ 1805 г. Этимъ же главнымъ образомъ объясняется и его отношеніе къ римскому папѣ Пію VII, котораго онъ заставилъ въ 1804 году пріѣхать въ Парижъ и короновать его императоромъ,

а въ 1809 г. отнялъ у него Церковную область, арестовалъ и принудилъ перссслиться во Францію. Сдѣлавшись императоромъ— или, какъ онъ остроумно однажды выразился, «подобравъ корону, которая валялась на полу», — онъ ставилъ своимъ идеаломъ Римскую имперію, съ ея легіонами и властелинами, съ ея міродержавіемъ, централизаціей и космополитизмомъ.

Во всѣхъ этихъ фантастическихъ мечтаніяхъ была, однако, и чисто практическая основа. Онъ прекрасно сознавалъ, что въ его положеніи, — въ положеніи человѣка, подобравшаго



Наполеонъ I и папа Пій VII.

валявшуюся на полу корону, — нельзя было успокоиться на мысли быть только государемъ Франціи. Онъ прекрасно понималъ значеніе и силу созданной имъ арміи, этого обоюдоострaго оружія, и смыслъ сказанной ему однажды хитрымъ и пронырливымъ его министромъ Талейраномъ мѣткой фразы: «Со штыками можно все сдѣлать; но на нихъ нельзя сидѣть». Эту армію надо было содержать, да и тщеславію французовъ надо было постоянно давать пищу. Передъ походомъ въ Россію онъ проговорился одному изъ своихъ министровъ:

— Воевать и мнѣ самому невыгодно и опасно.

— Ну, такъ не нужно болѣе воевать,—отвѣчалъ тотъ.

— Да, — сказалъ Наполеонъ, — но какъ содержать мою армію?.. А она мнѣ нужна.

О необходимости для него постоянныхъ войнъ и военныхъ успѣховъ онъ съ полною откровенностью высказался въ бесѣдѣ съ австрійскимъ министромъ Меттернихомъ, на пути изъ Россіи, послѣ своей неудачи:

— Я сумѣю умереть,—говорилъ онъ,—но я не уступлю ни единой пяди своихъ владѣній. Ваши государи, родившіеся на престолѣ, могутъ двадцать разъ потерпѣть пораженіе и возвратиться въ свои столицы; для меня же, выслужившагося солдата, это невозможно. Мое господство падетъ въ тотъ самый день, когда я перестану быть сильнымъ и, слѣдовательно, страшнымъ.

Онъ хорошо понималъ, что его деспотизмъ во Франціи основанъ на его всемогуществѣ въ Европѣ. Хорошо понимая это, и притомъ съ полнымъ презрѣніемъ относясь къ людямъ, онъ не щадилъ ихъ жизни для достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Въ той же бесѣдѣ съ Меттернихомъ онъ сказалъ:

— Для человѣка, какъ я, жизнь милліона людей—ничто!

И онъ въ общемъ, повидимому, съ спокойною совѣстью загубилъ въ промежутокъ отъ 1804 до 1815 г. жизнь около 2-хъ мил. французовъ и столько же союзниковъ и враговъ. Такимъ образомъ, по вычисленію одного досужаго историка, карьера Наполеона обошлась населенію Европы въ 4 мил. жизней. Надо добавить къ этому, что вѣдь погибла преимущественно молодежь, а въ послѣдніе годы его карьеры погибло и много подростковъ, такъ какъ, напрягая всѣ силы Франціи для борьбы съ своими врагами, Наполеонъ не стѣснялся брать въ свои войска даже 15—16 лѣтнихъ мальчиковъ...

Но въ чемъ же секретъ такого блестящаго, хотя и кратковременнаго успѣха этого человѣка, котораго одни называли,—и теперь называютъ,—великимъ человѣкомъ, а другіе—«геніемъ ада», «великимъ шулеромъ» и «великимъ шарлатаномъ»?

Наполеонъ, благодаря своимъ дѣйствительно геніальнымъ

способностямъ и умѣнью пользоваться обстоятельствами, не разбирая средствъ; благодаря отчетливому и ясному пониманію людей и обстоятельствъ, благодаря изумительной силѣ воли и не менѣе изумительной настойчивости, выдвинулся на поверхность той исторически развившейся волны, того «девятаго вала», который хлынулъ на Европу изъ Франціи послѣ великой революціи и разбилъ почти повсюду или расшаталъ устои стараго порядка, пока самъ не разбился о послѣднюю преграду—Россію. На той высотѣ, куда вынесли его ясно понятыя имъ историческія силы эпохи, онъ или умѣло направлялъ эти силы или шелъ за ними, внимательно наблюдая и крупныя и мелкія явленія міровой жизни, провѣряя свои наблюденія глубокимъ размышленіемъ и учитывая всѣ шансы «за и противъ», всѣ возможныя вѣроятности, до мельчайшихъ подробностей. Никогда еще, кажется, разсудокъ не былъ такимъ изумительнымъ слугой практическаго успѣха и безпримѣрной воли: онъ схватывалъ моментально самую сущность событій, и одинъ намекъ рождалъ въ его головѣ новые планы дѣйствій. Онъ всегда прекрасно зналъ силы и свои и своихъ противниковъ. Достаточно сказать, что, напримѣръ, положеніе военныхъ силъ Франціи на сушѣ и на морѣ, количество, величину и качество своихъ кораблей онъ зналъ въ мельчайшихъ подробностяхъ лучше, чѣмъ могли знать канцеляріи военнаго и морского министровъ, а чрезъ своихъ многочисленныхъ агентовъ онъ всесторонне зналъ состояніе каждаго изъ европейскихъ государствъ, и иногда лучше, чѣмъ это знали ихъ правительства. Въ искусствѣ управлять людьми геній его не имѣлъ себѣ равныхъ, какъ и въ искусствѣ ихъ очаровывать. Великій психологъ—практикъ и искусный стратегъ—новаторъ, съ которымъ изъ всѣхъ полководцевъ могъ поспорить только нашъ Суворовъ, онъ обладалъ необыкновеннымъ знаніемъ психологіи толпы, собранной въ армію, и психологіи индивидуальной личности. Онъ всегда угадывалъ вѣрно и всегда умѣлъ, въ самый благопріятный моментъ, затрогивать слабую струну человѣка и дѣйствовать на нее съ тою степенью давленія и настойчивости, которая должна была привести къ наиболѣе дѣйствительнымъ результатамъ. При этомъ въ немъ не было совершенно чувства

«порядочности». Это чувство, являющееся высшимъ созданіемъ цивилизаціи, являлось для Наполеона помѣхой на его пути, ибо оно стѣсняло его первоначальное, инстинктивное движеніе—дикій и яростный порывъ побѣдителя, который бросается и схватываетъ побѣжденнаго. Какъ дипломатъ, онъ возвелъ ложь въ систему. Про Меттерниха, когда тотъ еще начиналъ свою карьеру, Наполеонъ однажды выразился:

— Это—уже почти государственный человѣкъ онъ отлично лжетъ.

Въ своихъ сношеніяхъ съ европейскими государями онъ всегда лгалъ: обѣщалъ что угодно, а исполнялъ только то, что ему было выгодно. Наиболѣе ярко это признаніе лжи и лицемѣрія, какъ основы сношеній съ противниками, выразилось въ той инструкціи, которую онъ далъ своему посланнику въ Петербургѣ передъ вторженіемъ въ Россію. «Показывайте видъ,—писалъ онъ ему,—что ничего не знаете о движеніи нашихъ войскъ; потомъ не вѣрьте; потомъ объясняйте всякими предлогами. Вы должны такъ соображать свои слова, чтобы выиграть время: каждый день говорите разное; признавайтесь только тогда, когда депешами докажутъ вамъ, что уже знаютъ. Когда наши войска двинутся уже за Одеръ, и въ Петербургѣ узнаютъ объ этомъ, посовѣтуйте послать имъ предложеніе остановиться: вы-де увѣрены въ миролюбіи вашего императора. Затѣмъ предложите переговоры между Одеромъ и Нѣманомъ».

И этому великому лицемѣру обыкновенно удавалось, какъ онъ любилъ выражаться, «ловить всѣхъ на удочку». Неподражаемый артистъ, въ высшей степени обладавшій даромъ подкупать, очаровывать и обольщать людей, импонировать имъ, онъ въ нѣсколько минутъ овладѣвалъ волей человѣка, который былъ ему нуженъ. «Сдѣлка съ нимъ можетъ состояться въ одну минуту,—писалъ о немъ одинъ изъ близко знавшихъ его людей,—такъ велика его способность очаровывать, обольщать людей...» Этою способностью онъ привлекъ къ себѣ на нѣкоторое время и императора Александра I во время свиданія въ Тильзитѣ въ 1807 году.

Всѣ указанныя свойства характера Наполеона помогли ему достигнуть того величія, съ высоты котораго ему даже вся Европа казалось «ничтожной норой».

Но, какъ самъ онъ выразился послѣ неудачнаго похода въ Россію, «отъ великаго до смѣшного—одинъ шагъ». И главной причиной этого невѣрнаго шага было то, что при всѣхъ своихъ геніальныхъ способностяхъ, Наполеонъ не понималъ одного—силы національнаго и религіознаго чувства. Эту силу показалъ ему русскій народъ. Только этимъ непониманіемъ, а также и полнымъ отрицаніемъ идеализма у отдѣльныхъ людей и можно объяснить тотъ высокомѣрный тонъ и тѣ угрозы, съ которыми онъ отнесся къ Россіи и ея государю передъ войной двѣнадцатаго года. «Какая прекрасная будущность открывалась императору Александру въ Тильзитѣ и особенно въ Эрфуртѣ!—говорилъ онъ въ Вильнѣ генералу Балашеву, послу Александра I.—Онъ испортилъ лучшее царствованіе, которое когда-либо видѣла Россія!» А вспомнивъ про незавидный образъ дѣйствій русскаго государя, выразившійся, между прочимъ, въ томъ, что онъ далъ у себя пріютъ непріятнымъ Наполеону людямъ, онъ прибавилъ: «Какъ допускать въ свое общество такихъ людей, какъ Штейнъ, Армфельдъ, Винценгероде! *) Скажите императору Александру, что, окружая себя моими врагами, онъ наноситъ мнѣ личное оскорбленіе; слѣдовательно, я долженъ отвѣчать ему тѣмъ же: я изгоню изъ Германіи всѣхъ его Баденскихъ, Вюртембергскихъ и Веймарскихъ родственниковъ; пусть онъ готовитъ имъ прибѣжище въ Россіи!»

Величіе Наполеона оказалось призрачнымъ. Разбился «девятый валъ», и великій фантазеръ, мечтавшій сдѣлаться владыкой міра, «сѣлъ на мель». И отъ того мірового могущества, которымъ онъ думалъ удовлетворить тщеславіе французскаго народа, ничего не осталось. «Бѣдные галлы, легковѣрные энтузіасты,—говоритъ французскій историкъ Тэнъ,—дважды ввѣрившіе ему общественное дѣло, навлекли на себя лишь двукратное вторженіе; въ отплату за ихъ преданность, послѣ страшныхъ кровопролитій, онъ завѣщалъ имъ Францію, урѣ-

---

*) *Штейнъ*—прусскій министръ, стремившійся съ помощью реформъ возродить Пруссію; *Армфельдъ*—одинъ изъ приближенныхъ шведскаго короля Густава III, перешедшій послѣ его смерти на русскую службу; *Винценгероде*—перешелъ на русскую службу изъ Австріи.

занную на 15 департаментовъ, пріобрѣтенныхъ республикой, лишенную Савойи, лѣваго берега Рейна, Бельгіи, — Францію, оттѣсненную за границы 1789 года, одинокую и ослабленную среди усилившихся сосѣдей, подозрительную для всей Европы, постоянно окруженную недовѣріемъ и непріязнью».

Любилъ ли онъ эту Францію? Мы видѣли, что въ началѣ своей карьеры онъ ее ненавидѣлъ, какъ корсиканецъ. Затѣмъ онъ полюбилъ ее... «какъ наѣздникъ любитъ свою лошадь», по выраженію Тэна. А самъ Наполеонъ, съ отличавшимъ его цинизмомъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ опредѣлилъ свое отношеніе къ Франціи слѣдующими словами: «У меня одна лишь страсть, одна любовница—Франція; она при мнѣ неотлучно и никогда не измѣняла мнѣ: она не щадитъ для меня своей крови и своихъ сокровищъ: если мнѣ понадобится полмилліона людей, она мнѣ ихъ дастъ».

Въ этихъ словахъ рѣзко выразился тотъ чудовищный эгоизмъ, который составлялъ основу характера Наполеона.

Трудно,—говоритъ Тэнъ,—перечислить всѣ нарушенія человѣческихъ правъ, гуманности и справедливости, всѣ злоупотребленія, жестокости и обманы, угнетенія союзниковъ и побѣжденныхъ, разграбленія въ военное время и эксплоатаціи народовъ въ мирное время, которыя онъ допускалъ въ своихъ дѣйствіяхъ для осуществленія своихъ широкихъ плановъ, въ сущности для удовлетворенія своего ненасытнаго честолюбія. Въ концѣ 1811 года его братъ, вестфальскій король Жеромъ, писалъ ему о положеніи покоренныхъ народовъ слѣдующее: «Если начнется война, всѣ мѣстности между Рейномъ и Одеромъ явятся очагомъ обширнаго возстанія. Главная причина этого опаснаго движенія — не столько ненависть противъ французовъ и стремленіе сбросить съ себя иноземное иго, сколько полное разореніе всѣхъ классовъ, непомѣрные поборы, военныя контрибуціи, взиманіе продовольствія для войскъ и всякаго рода постоянныя притѣсненія». Уже съ 1808 года среди всѣхъ народовъ Европы возгорается ненависть къ нему: онъ такъ глубоко оскорбилъ ихъ въ ихъ интересахъ и чувствахъ; онъ такъ унизилъ и измучилъ ихъ своими вымогательствами и насильственнымъ

привлеченіемъ къ службѣ; онъ истребилъ въ своихъ воїнахъ столько испанцевъ, итальянцевъ, австріійцевъ, пруссаковъ, швейцарцевъ, голландцевъ, что націи начинаютъ относиться къ нему еще враждебнѣе, чѣмъ государи. И онъ самъ сознавалъ, что онъ всѣмъ въ тягость. Однажды онъ предложилъ одному изъ близкихъ людей вопросъ:

Жеромъ Бонапартъ.

— Что скажутъ обо мнѣ послѣ моеїй смерти?

— Весь міръ будетъ пораженъ горемъ, — отвѣчалъ тотъ.

Наполеонъ горько усмѣхнулся:

— О, нѣтъ,—возразилъ онъ. И съ жестомъ, изображавшимъ всеобщій вздохъ облегченія, онъ возразилъ:

— Скажутъ: уфъ!.. Скажутъ: слава Богу...

И все-таки, когда судьба «рокового человѣка» была рѣшена; когда, свергнутый съ престола, онъ жилъ на островѣ Эльбѣ, онъ въ слѣдующихъ словахъ подвелъ итоги всеїй своеїй бурноїй жизни:

— Моя слава установлена. Мое имя будетъ жить столько же, сколько имя Бога...

Изъ всѣхъ жестокостей и насилій Наполеона, совершенныхъ имъ ради личныхъ своихъ интересовъ, едва-ли не самымъ возмутительнымъ является казнь,—или лучше сказать, убійство,—молодого герцога Энгіенскаго, одного изъ членовъ королевской династіи Бурбоновъ, ускорившая образованіе противъ

Герцогъ Энгіенскій.

Франціи третьей коалиціи. Это случилось въ то время, когда Наполеонъ готовился сдѣлать послѣдній шагъ для утвержденія своей власти во Франціи. Онъ уже былъ провозглашенъ пожизненнымъ первымъ консуломъ; оставалось только приказать провозгласить себя императоромъ. И въ такое-то рѣшительное время онъ былъ страшно раздраженъ открытіемъ заговора среди приверженцевъ старой династіи. Въ этомъ раздраженіи

Наполеону мало было казнить и разсадить по тюрьмамъ вѣрныхъ слугъ Бурбоновъ; ему нужна была жертва болѣе значительная, кто-нибудь изъ самихъ Бурбоновъ. Не будучи въ состояніи захватить главныхъ виновниковъ заговора, графа Артуа и герцога Беррійскаго, Наполеонъ обратилъ свою месть на другого Бурбона, на герцога Энгіенскаго, проживавшаго въ Эттенгеймѣ на баденской территоріи: драгунскій отрядъ, незаконно вторгшись въ предѣлы Бадена, взялъ въ плѣнъ молодого герцога. Его бумаги съ полной очевидностью обнаружили полную его невиновность въ дѣлѣ о покушеніи на жизнь Наполеона. Несмотря на это онъ былъ приговоренъ къ смерти комиссіей, составленной изъ полковниковъ парижскаго гарнизона, и тотчасъ разстрѣлянъ во рву Венсенскаго замка. Наполеону нужно было показать свою силу, поразить своихъ враговъ ужасомъ, надругаться надъ ними, унизить передъ толпою древнюю династію казнью одного изъ видныхъ ея членовъ, поразить толпу впечатлѣніемъ, что для ея правителя казнить и принца ничего не значитъ. Это убійство вызвало во всей Европѣ ужасъ и отвращеніе.

Въ 1804 году, какъ мы видѣли, первый консулъ превратился въ императора. Мы уже знакомы съ его внутреннею правительственною дѣятельностью въ періодъ консульства. При всѣхъ его безспорныхъ заслугахъ необходимо сказать, что уже тогда ясно обнаружилось его стремленіе утвердить во Франціи тотъ абсолютизмъ, уничтоженію котораго онъ когда-то радовался вмѣстѣ съ дѣятелями великой революціи. Со времени же основанія имперіи его мысли были исключительно направлены къ тому, чтобы совершенно очистить Францію отъ революціонныхъ идей, наложить на республиканскія учрежденія монархическій отпечатокъ и снова ввести во Франціи старыя учрежденія другихъ континентальныхъ государствъ. Выраженія преданности и льстивыя похвалы, которыми его осыпали при возвращеніи изъ каждаго похода и сенаторы, и члены законодательнаго корпуса, и всѣ должностныя лица, и народныя массы, должны были внушить ему убѣжденіе, что французская нація не способна имѣть собственную волю, что съ нею онъ можетъ обходиться, какъ ему вздумается, что раболѣпіе всѣхъ

слоевъ населенія позволяетъ ему ничѣмъ не стѣсняться въ своемъ произволѣ. Чтобы довести свой цезаризмъ до полнаго совершенства, Наполеонъ считалъ самыми цѣлесообразными два средства: 1) усиленіе созданнаго имъ дворянства и 2) устраненіе всякой оппозиціи, которая могла бы опираться на конституціонныя учрежденія и права.

Евгеній Богарне вице-король Италіи.

Изъ завоеванныхъ земель онъ сталъ раздавать своимъ боевымъ товарищамъ помѣстья съ титулами герцоговъ, принцевъ, графовъ, бароновъ. Но гордость его не могла быть удовлетворена существованіемъ такой скороспѣлой аристократіи. Ему хотѣлось привлечь къ своему двору людей съ старинными историческими именами и традиціями. И онъ не ошибся въ

своихъ ожиданіяхъ. Вскорѣ мужчины и женщины самаго знатнаго происхожденія стали стремиться къ занятію должностей при его дворѣ. Для увеличенія своего престижа онъ пожертвовалъ и Жозефиной; онъ развелся съ нею и женился на дочери австрійскаго императора Маріи-Луизѣ, пристроивъ

Людовикъ Бонапартъ.

своего пасынка Евгенія Богарне вице-королемъ Италіи, а падчерицу Гортензію выдавъ замужъ за своего брата Людовика, короля голландскаго.

Устроившись самъ, онъ устроилъ и свою родню: братья его—Іосифъ, Іеронимъ и Людовикъ, какъ мы уже знаемъ, сдѣлались королями; сестру свою Каролину онъ выдалъ замужъ

за одного изъ своихъ маршаловъ, Мюрата, назначивъ его Неаполитанскимъ королемъ, подъ именемъ Іоахима I *).

Честолюбіе всей «корсиканской семьи» было теперь удовлетворено. Не только въ придворномъ штатѣ императора и императрицы, но даже среди приближенныхъ его братьевъ, сестеръ и родственниковъ встрѣчались старинныя аристократическія имена, занимавшія выдающееся мѣсто въ лѣтописяхъ старой монархіи. А вмѣстѣ съ возвращеніемъ ко двору старинной аристократіи былъ возстановленъ и придворный церемоніалъ со

Мюратъ.

всею своею старинною пышностью. Такимъ образомъ старинное феодальное дворянство должно было слиться съ дворянствомъ новаго происхожденія. Бонапартовская династія должна была унаслѣдовать всѣ бурбонскія традиціи; новый цезаризмъ долженъ былъ усвоить всѣ реалистскія учрежденія старой мо-

---

*) Впослѣдствіи Мюратъ измѣнилъ Наполеону, перейдя на сторону союзниковъ, а во время Ста дней снова перешелъ къ Наполеону. Взятый въ плѣнъ, онъ былъ разстрѣлянъ.

нархіи. Все, казалось, было благополучно. И только матушка Наполеона, почтенная Летиція Бонапарте, со свойственнымъ ей здравымъ смысломъ корсиканской крестьянки, предчувствовала, что все это благополучіе рухнетъ рано или поздно. Когда ее упрекали, что она попрежнему скопидомничаетъ, откладывая «копейку про черный день», она съ грустнымъ остроуміемъ оправдывалась:

Летиція Бонапарте.

— Слишкомъ ужъ много въ нашей семьѣ коронованныхъ особъ, которыхъ судьба, пожалуй, когда-нибудь сброситъ на мои плечи... Чѣмъ я ихъ буду тогда содержать?...

Единственнымъ оплотомъ республиканскихъ идей въ это время могъ считаться трибунатъ,—учрежденіе, которому принадлежало исключительное право обсуждать правительственные проекты. Это учрежденіе сохранило въ народѣ воспоминаніе о болѣе счастливыхъ временахъ, о тѣхъ традиціяхъ, которыя были теперь подавлены, но могли завтра же одержать верхъ. Поэтому самое имя трибуната было ненавистно Наполеону, и

въ 1807 году учрежденіе это было уничтожено. Трибуны отнеслись къ распоряженію императора съ большимъ смиреніемъ и, получивъ новыя назначенія, поднесли ему адресъ, въ которомъ выражали свою безпредѣльную преданность и признательность императору.

Упроченію наполеоновскаго абсолютизма во Франціи много способствовалъ грандіозный успѣхъ Наполеона во внѣшней политикѣ. Французская нація доходила до опьяненія отъ могущества и славы, выпавшихъ на ея долю въ такомъ избыткѣ, и отъ восхищенія геніальнымъ повелителемъ, которому она обязана была блестящимъ положеніемъ въ Европѣ. И этотъ общій восторгъ еще болѣе усиливалъ автократическія стремленія Наполеона. Онъ одинъ давалъ направленіе всѣмъ дѣламъ управленія; всякую самостоятельную дѣятельность онъ старался стѣснить и поставить въ зависимость отъ себя. Онъ относился враждебно ко всему, въ чемъ проявлялась чья-либо личная воля, чье-либо стремленіе достигнуть самостоятельнаго значенія. Никакой лучъ свѣта не долженъ былъ считаться благотворнымъ, если онъ не былъ отраженіемъ лучей императорскаго солнца. Императоръ самъ хотѣлъ все рѣшать, все регулировать, все установлять; въ политической, въ общественной жизни вся нація должна была руководствоваться его предписаніями и указаніями, подобно лишенному своей воли механизму. Льстецы прославляли его за то, что даже во время войны, изъ отдаленнаго лагеря, онъ управлялъ своею имперіей такъ, какъ если бы былъ существомъ всевѣдущимъ и вездѣсущимъ. Этотъ необыкновенный, геніальный человѣкъ, одаренный всеобъемлющимъ умомъ, даже среди снѣговъ Россіи руководилъ не только своими солдатами и своими аген-

тами, но даже настроеніемъ умовъ и самыми разнообразными дѣлами управленія. Среди самыхъ важныхъ политическихъ и военныхъ трудовъ онъ находилъ время прислушиваться къ общественному мнѣнію, выражавшемуся въ театрахъ и въ салонахъ, на ораторской трибунѣ и въ прессѣ, и направлять его по своему желанію. Подобно Людовику XIV, Наполеонъ хотѣлъ наложить отпечатокъ имперіи и на литературу, и на науку, и на искусство. Поэзія должна была пре-

возносить славу императора, исторія—оправдывать возникновеніе имперіи. Даже религія получала служебное значеніе: съ одобренія высшаго духовенства, которое ни въ чемъ не смѣло отказать императору, былъ составленъ для преподаванія религіи въ школахъ новый катехизисъ, въ которомъ культъ императора получалъ религіозное освященіе.

Франція достигла въ Европѣ блестящаго положенія и небывалаго могущества. Наполеонъ находился на высотѣ своей славы. А между тѣмъ уже обнаруживались въ государствѣ признаки непрочности новаго режима. Силы населенія Франціи были напряжены до послѣдней степени; матеріальныя средства страны, поднятыя самимъ же Наполеономъ въ эпоху консульства, истощались. Рекрутскіе наборы, производившіеся съ постоянно усиливавшеюся строгостью, и большею частью за годъ до установленнаго закономъ времени, отнимали у земледѣлія и у промышленности ея лучшія силы. Закрытіе континента для внѣшней торговли, вслѣдствіе направленной противъ Англіи «континентальной блокады», было убійствомъ для торговли. Непрерывныя войны требовали отъ государственнаго казначейства громадныхъ тратъ, которыя приходилось покрывать экстраординарными доходами вслѣдствіе невозможности увеличить существующіе налоги. Для увеличенія доходовъ приходилось обращаться за содѣйствіемъ къ поставщикамъ и подрядчикамъ; отсюда возникало не мало поводовъ для самыхъ смѣлыхъ спекуляцій и для обкрадыванія казны.

При такихъ обстоятельствахъ,—хотя французское тщеславіе и находило себѣ удовлетвореніе въ томъ могуществѣ и почетѣ, которыми наградилъ Францію новый Цезарь,—все-таки у многихъ закрадывалось въ душу тревожное предчувствіе, что возведенное Наполеономъ чрезмѣрно высокое зданіе непрочно, что владычество, не согласное ни съ существующими правами и обычаями, ни съ сущностью вещей, ни съ прирожными свойствами человѣческаго ума, есть не что иное, какъ воздушный замокъ, какъ случайное и временное явленіе, въ которомъ нѣтъ никакихъ прочныхъ задатковъ для обезпеченія будущности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Общій характеръ внѣшней политики Россіи до вступленія на престолъ Александра I. Характеристика Александра I въ связи съ его преобразовательными начинаніями. Основы внѣшней политики Александра I и его отношенія къ Наполеону до Тильзитскаго мира. Тильзитскій миръ и недовольство имъ въ русскомъ обществѣ. Александръ I и русское общество наканунѣ нашествія Наполеона. Война 1812 года.

Начиная съ Петра Великаго въ основаніи нашей внѣшней политики лежалъ принципъ «европейскаго равновѣсія», ради котораго Россія,—вліятельное положеніе которой надолго было обезпечено Петромъ Великимъ,—нѣсколько разъ смѣло и рѣшительно вмѣшивалась въ отношенія европейскихъ государствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ со времени Петра Великаго создается то направленіе, согласно которому русское правительство, пользуясь всякимъ удобнымъ моментомъ для упроченія политическаго могущества Россіи, должно было, не пускаясь въ рискованныя предпріятія, сосредоточить всю свою дѣятельность преимущественно на внутреннемъ преуспѣяніи государства. Эта задача нашла себѣ выраженіе въ слѣдующихъ словахъ императрицы Екатерины II: «Міръ необходимъ этой обширной имперіи; мы нуждаемся въ населеніи, а не въ опустошеніяхъ; миръ доставитъ намъ больше уваженія, чѣмъ случайности войны, всегда разорительной». Но эту задачу трудно было выполнить, не разрѣшивши предварительно трехъ вопросовъ, завѣщанныхъ Петру Великому и его преемникамъ Московскимъ правительствомъ. Вопросы эти, разрѣшеніе которыхъ являлось исторической необходимостью, были слѣдующіе: 1) раздвинуть предѣлы государственной территоріи до береговъ Балтійскаго моря и создать опредѣленныя отношенія съ Швеціей; 2) покончить постоянныя столкновенія съ Польшей и 3) расширить на югѣ территорію государства до естественныхъ границъ, т. е. до бе-

реговъ Чернаго моря, находившихся во владѣніи Турціи. Первый вопросъ, — вопросъ шведскій, — только на половину былъ разрѣшенъ Петромъ Великимъ; второй и третій вопросы,— вопросы польскій и турецкій, — тоже на половину разрѣшила Екатерина II раздѣломъ Польши и присоединеніемъ Крыма.

Императоръ Александръ I.

Императору Александру I, давшему слово при своемъ вступленіи на престолъ вести правительственную дѣятельность «по завѣтамъ бабушки», выпадала трудная работа: необходимо было упрочить политическое положеніе Россіи въ ряду другихъ европейскихъ державъ въ то время, когда революціонная буря,

выдвинувшая Наполеона, перепутала всѣ ранѣе сложившіяся европейскія отношенія; необходимо было или разрѣшить или подвинуть къ желательному въ интересахъ Россіи разрѣшенію вопросы шведскій, польскій и турецкій и, наконецъ, необходимо было позаботиться о мирномъ, прогрессивномъ развитіи государства, которое, по выраженію «бабушки», нуждалось не въ опустошеніяхъ, а въ населеніи.

Въ этой трудной работѣ самодержавному монарху, естественно, нельзя было избѣжать порою весьма крупныхъ ошибокъ и противорѣчій. Своею многообразною дѣятельностью онъ оставилъ историкамъ не менѣе трудную задачу разобраться въ его дѣйствіяхъ и опредѣлить его роль въ общемъ ходѣ историческихъ событій того времени. Многое въ этой дѣятельности остается и до сихъ поръ мало разъясненнымъ. Но во всякомъ случаѣ императоръ Александръ I уже не представляется намъ тѣмъ загадочнымъ «сфинксомъ», какимъ представлялся онъ большинству своихъ современниковъ. Въ этомъ отношеніи онъ раздѣлилъ судьбу своего соперника, Наполеона, котораго современники считали тоже «человѣкомъ не отъ міра сего», «роковымъ человѣкомъ». Для насъ, благодаря новѣйшимъ историческимъ изслѣдованіямъ, эти двѣ центральныя фигуры европейской жизни начала XIX вѣка уже не являются «загадочными натурами».

По главнымъ свойствамъ своей натуры Александръ I является прямою противоположностью Наполеону: насколько послѣдній былъ воплощеніемъ эгоизма и практицизма, настолько первый былъ воплощеніемъ альтруизма и идеализма, по крайней мѣрѣ въ первую половину своего царствованія, въ то время, когда онъ вступилъ въ борьбу съ Наполеономъ, кончившуюся освобожденіемъ Европы отъ наполеоновскаго ига.

Ученикъ республиканца — швейцарца Лагарпа и русскаго писателя-гуманиста Муравьева, воспитанный, благодаря заботамъ своей бабушки,—лучшей представительницы такъ называемаго просвѣщеннаго абсолютизма, — согласно съ новыми педагогическими идеями Локка и Руссо онъ весь былъ проникнутъ освободительными, гуманными идеями просвѣтительной литературы XVIII вѣка, съ которой основательно ознако-

мился посредствомъ внимательнаго изученія всѣхъ ея лучшихъ произведеній и съ помощью бесѣдъ съ своими талантливыми и добросовѣстными воспитателями. И главнымъ образомъ Лагарпу принадлежитъ большая доля тѣхъ отвлеченныхъ представленій Александра о человѣческомъ благѣ, о гражданской свободѣ, о равенствѣ людей, о справедливости, о гнусности деспотизма и рабства, о правахъ человѣчества, которыя въ первые годы своего царствованія Александръ высказывалъ съ такимъ одушевленіемъ и которыя даже впослѣдствіи, когда онъ рѣзко измѣнился, никогда въ немъ не изглаживались совершенно. Въ ранней юности, когда только что закончилось его образованіе, онъ признавался въ интимныхъ бесѣдахъ

Лагарпъ.

своему другу, извѣстному польскому патріоту Адаму Чарторыйскому, что онъ «ненавидитъ деспотизмъ вездѣ и какимъ бы образомъ онъ ни совершался», что онъ «любитъ свободу, которая должна принадлежать равно всѣмъ людямъ». По словамъ кн. Чарторыйскаго, юный Александръ «принималъ живѣйшій интересъ во французской революціи и хотя осуждалъ ея страшныя заблужденія, но желалъ успѣховъ республикѣ и радовался имъ». «Его мнѣнія, — говоритъ Чарторыйскій, — были мнѣнія юноши, который хотѣлъ бы видѣть повсюду республики и считалъ эту форму правленія единственной, сообразной съ желаніями и правами человѣчества». А незадолго

до своей смерти, въ эпоху усиленной реакціи, когда, переживъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, тяжелую внутреннюю борьбу, онъ окончательно отказался отъ своихъ либеральныхъ начинаній въ области внутренней политики, онъ однажды сказалъ одному изъ близкихъ лицъ:

— Что бы обо мнѣ ни думали, я всетаки въ душѣ остаюсь республиканцемъ.

Сперанскій.

Другой современникъ, прусскій министръ Штейнъ, нашедшій себѣ пріютъ при дворѣ Александра, такъ отзывается о немъ: «Нельзя достаточно изумляться тому, до какой степени этотъ государь способенъ къ преданности дѣлу, къ самопожертвованію, къ одушевленію за все великое и благородное». Видя въ немъ воплощеніе чистаго, возвышеннаго идеализма, Штейнъ слѣдующими словами заканчиваетъ его характеристику: «Пусть не удастся низости и пошлости задержать его полетъ и помѣшать Европѣ воспользоваться во всемъ объемѣ тѣмъ счастіемъ, какое предлагаетъ ей Провидѣніе».

Въ мечтахъ Александра, при его вступленіи на престолъ, господствовало великодушное стремленіе сдѣлать Россію свободной. Осуществить эти мечты ему не пришлось. Двѣнадцатый годъ, истощившій весь запасъ его энергіи, положилъ рѣзкую грань между эпохой его либерально-конституціонныхъ проектовъ, разрабатывавшихся въ сотрудничествѣ сначала молодыхъ участниковъ «интимнаго комитета», а затѣмъ Сперанскаго. Слишкомъ отвлеченный характеръ полученнаго Александромъ образованія и тяжелыя душевныя переживанія съ дѣтскаго

Карамзинъ.

возраста,—когда ему вначалѣ приходилось приспособляться къ настроеніямъ бывшихъ въ разладѣ между собою отца и бабушки, а потомъ испытывать на себѣ весь гнетъ отцовскаго недовѣрія, мнительности и подозрительности,—не могли содѣйствовать развитію въ немъ строго опредѣленнаго міросозерцанія и твердости характера. Всѣмъ либеральнымъ проектамъ пришелъ конецъ, когда ихъ иниціатору пришлось столкнуться съ самою жизнью и убѣдиться, что при осуществленіи этихъ проектовъ

предстояло бы выдержать упорную борьбу съ подавляющимъ большинствомъ русскаго дворянскаго общества, настроеніе котораго ясно выразилось въ поданной ему «Запискѣ о древней и новой Россіи» Карамзина, направленной противъ Сперанскаго и противъ преобразованій, исполненныхъ государемъ при его содѣйствіи. Александръ I отступилъ предъ этою борьбой, выдалъ этому большинству Сперанскаго, отправивъ его въ ссылку, и въ концѣ концовъ отдался общему настроенію правящихъ сферъ въ Европѣ—мистицизму и страху передъ призракомъ европейской революціи.

Но признаковъ этого настроенія въ эпоху борьбы съ Наполеономъ въ характерѣ Александра I еще не обнаруживалось. И, что особенно замѣчательно, въ этой борьбѣ, въ противоположность внутренней политикѣ Александра, отличавшейся нерѣшительностью и колебаніями, выразились такая энергія, твердость воли и такая настойчивость въ стремленіи къ ясно намѣченной цѣли, которой изумлялись даже и очень строгіе судьи. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь, въ области внѣшней политики, въ эпоху борьбы съ Наполеономъ, съ особенною силой проявились тѣ черты характера Александра, которыя отмѣчаетъ Штейнъ въ своихъ письмахъ: «глубокое добродушіе и желаніе содѣйствовать счастію и духовному развитію *человѣчества*». Здѣсь же наиболѣе обнаружился и его умъ, острый и проницательный, помогавшій ему угадывать уловки противника, который лишь на короткое время очаровалъ его во время тильзитскаго свиданія. Здѣсь уже не было той неувѣренности въ собственныхъ принципахъ, которою характеризуется его внутренняя политика: здѣсь все представлялось ему яснымъ и вполнѣ опредѣленнымъ. Наконецъ, здѣсь, въ противоположность Наполеону, онъ проявилъ и высокое чувство порядочности, которое одинаково въ немъ возмущали какъ незаконныя и безнравственныя дѣйствія Наполеона, такъ и неспособность союзниковъ въ борьбѣ съ нимъ забыть свои матеріальные интересы и своекорыстные счеты и сплотиться на защиту великихъ принциповъ добра и справедливости.

Борьбу съ Наполеономъ Россія начала вести, какъ мы видѣли, при Павлѣ I и вела ее исключительно изъ принципа:

ради поддержанія европейскаго равновѣсія и для защиты монархическаго начала. Девизомъ Россіи явились слова, сказанныя Павломъ Суворову: «Иди спасать царей». Дѣло Павла продолжалъ Александръ I, съ тою разницей, что, во-первыхъ, Россія выступала теперь на защиту не только царей, но и народовъ, и, во-вторыхъ, ея государь являлся организаторомъ и руководителемъ борьбы съ Наполеономъ.

Прослѣдимъ вкратцѣ, какъ развивалась внѣшняя политика Александра I въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, и посмотримъ, какими началами она была проникнута.

При вступленіи на престолъ вниманіе Александра I въ области внѣшней политики прежде всего должно было остановиться на Франціи. Являлся вопросъ: что будетъ съ этою республикой, которою управлялъ побѣдоносный генералъ съ титуломъ перваго консула? Чего должна ждать отъ этого генерала Европа: новыхъ ли завоевательныхъ движеній, которымъ необходимо противопоставить новыя коалиціи, или Бонапартъ обратится къ внутреннему устроенію потрясенной революціей Франціи и этимъ дастъ возможность и другимъ державамъ разоружиться и заняться внутренними дѣлами? Послѣднее представлялось мало вѣроятнымъ; но во всякомъ случаѣ, естественно, приходилось принять выжидательное положеніе.

Но уже въ іюлѣ 1801 года обнаружились тѣ начала, которыми намѣренъ былъ руководиться русскій императоръ въ своихъ отношеніяхъ къ первому консулу. Въ своей инструкціи русскимъ министрамъ при иностранныхъ дворахъ Александръ I прежде всего отказался отъ завоевательныхъ замысловъ и отъ всякаго увеличенія территоріи своего государства. Затѣмъ онъ говорилъ: «Если я подниму оружіе, то это единственно для обороны отъ нападенія, для защиты моихъ народовъ или жертвъ честолюбія, опаснаго для спокойствія Европы... Большая часть германскихъ владѣній просятъ моей помощи. Независимость и безопасность Германіи такъ важны для будущаго мира, что я не могу пренебречь этимъ случаемъ для сохраненія за Россіей первенствующаго вліянія. Рѣшившись продолжать переговоры, начатые съ Франціей, я руководствовался двойнымъ побужденіемъ: упрочить для моей имперіи миръ, необходимый для воз-

становленія порядка въ разныхъ частяхъ управленія, и въ то же время по возможности содѣйствовать установленію окончательнаго мира, который далъ бы Европѣ время возстановить поколебленное зданіе соціальной системы. Если первый консулъ сохраненіе и утвержденіе своей власти поставитъ въ зависимость отъ раздоровъ и смутъ, волнующихъ Европу; если онъ не признаетъ, что *власть, основанная на неправдѣ, всегда непрочна,* ибо питаетъ ненависть и даетъ законность возмущенію; если онъ позволитъ увлечь себя революціонному потоку; если, наконецъ, онъ ввѣритъ себя одному счастію, — война можетъ продолжаться. Но въ случаѣ, если первый консулъ окажется болѣе понимающимъ свои интересы и болѣе чувствительнымъ къ истинной славѣ; если онъ захочетъ излѣчить раны, нанесенныя революціей и дать своей власти основаніе болѣе прочное уваженіемъ независимости правительствъ, то многія чрезвычайно вѣскія соображенія могутъ внушить ему желаніе искренняго согласія съ Россіей и заставить принять рядъ мѣръ къ возстановленію европейскаго равновѣсія; въ такомъ случаѣ переговоры, начатые въ Парижѣ, могутъ повести къ удовлетворительнымъ результатамъ».

Въ концѣ своей инструкціи Александръ говоритъ, что онъ поручилъ русскому послу въ Парижѣ дать первому консулу самыя положительныя удостовѣренія въ томъ, что въ его сближеніи съ дворами вѣнскимъ и лондонскимъ не сказывается никакого враждебнаго намѣренія противъ Франціи, что ни тотъ ни другой не предлагали ему наступательнаго союза и что онъ не будетъ принимать подобныхъ предложеній, если французское правительство будетъ уважать права и независимость его союзниковъ.

Между прочимъ, въ этомъ документѣ было ясно выражено намѣреніе русскаго государя не допускать преобладанія Франціи въ Европѣ.

Переговоры съ Франціей продолжались. Въ октябрѣ 1801 года была заключена тайная конвенція между Россіей и Франціей, по которой оба государства обязались немедленно заняться изысканіемъ средствъ утвердить всеобщій миръ, возстановить должное равновѣсіе въ Европѣ, обезопасить свободу морей и

дѣйствовать согласно, убѣжденіями и силою, для блага человѣчества, для общаго спокойствія и независимости европейскихъ правительствъ.

Но, заключая эту конвенцію, Наполеонъ руководился единственною цѣлью: усыпить на время вниманіе Россіи, мѣшавшей ему распоряжаться въ Европѣ. Давая обѣщаніе вмѣстѣ съ Александромъ дѣйствовать для общаго спокойствія, онъ ждалъ лишь удобнаго случая приступить къ осуществленію своихъ завоевательныхъ плановъ. Ему прежде всего необходимо было сломить могущество Англіи. Въ 1803 году, подъ незначительнымъ предлогомъ, онъ началъ съ ней войну и занялъ своими войсками принадлежавшій въ Германіи англійскому королю Георгу III Ганноверъ. Войны съ Россіей онъ въ это время не желалъ. Но эта война была неизбѣжна: Россія стѣсняла его свободу дѣйствій въ Европѣ, не позволяя ему порабощать слабѣйшія государства.

Возобновленіемъ войны съ Англіей Наполеонъ обнаружилъ свою неспособность уважать независимость державъ и содѣйствовать установленію европейскаго равновѣсія. Сношенія съ нимъ Александра такимъ образомъ не дали удовлетворительнаго результата. Для достиженія этого результата необходимо было обратиться къ другому средству,—къ составленію коалиціи. И Александръ обращается къ этому средству. Англія была уже въ войнѣ съ Франціей; надо было склонить къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ Австрію и Пруссію.

Вотъ тутъ-то и обнаружилось, что въ борьбѣ съ Наполеономъ одна только Россія дѣйствовала безкорыстно. Главнымъ препятствіемъ къ образованію новой коалиціи противъ Франціи явилась полная непримиримость интересовъ этихъ двухъ нѣмецкихъ державъ, боровшихся за преобладаніе среди другихъ нѣмецкихъ государствъ. Александръ столкнулся съ весьма трудною задачей: надо было мирить въ сущности непримиримые интересы Австріи и Пруссіи. Съ Австріей дѣло налаживалось; но Пруссія не поддавалась увѣщаніямъ стать за общее дѣло. Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III уклонялся отъ активнаго участія въ коалиціи. Тщетно уговаривалъ его Александръ въ своихъ письмахъ къ нему обратить вниманіе

на то, что судьба его королевства зависитъ отъ его образа дѣйствій; тщетно онъ напоминалъ, что ему принадлежитъ выборъ: на одной сторонѣ—честь, слава, истинныя интересъ прусской монархіи, на другой—рѣшительная и неизбѣжная гибель послѣдней, «при общемъ упрекѣ въ содѣйствіи ко всемірной монархіи человѣка, столь мало ея достойнаго». Прусскій король отвѣчалъ, что борьбу начинать рано, что надо потихоньку къ ней приготовляться...

И какъ разъ во время этихъ переговоровъ совершилось убійство герцога Энгіенскаго, захваченнаго, какъ мы видѣли, французскими драгунами, вопреки международному праву, на независимой территоріи одного изъ нѣмецкихъ княжествъ. Этотъ поступокъ Наполеона, самымъ наглымъ образомъ нарушившій неприкосновенность границъ «священной римской имперіи германской націи», лучше всего показалъ, чего можно было въ будущемъ отъ него ожидать. Но и этотъ возмутительный случай не побудилъ прусскаго короля къ рѣшительному выступленію. И Австрія и Пруссія удовлетворились заявленіемъ баденскаго герцога, увѣрявшаго, что онъ получилъ отъ Наполеона по поводу захвата на его территоріи герцога Энгіенскаго удовлетворительныя объясненія. И только Александръ I открыто выразилъ протестъ противъ поступка главы французскаго правительства. Его посолъ оставилъ Францію, предъявивъ французскому правительству требованіе Россіи немедленно вывести французскія войска изъ Неаполя и изъ сѣверной Германіи. Требованія эти не были исполнены, и дипломатическія сношенія между Россіей и Франціей прекратились. Это было въ августѣ 1804 года. Вслѣдъ за тѣмъ Наполеонъ былъ провозглашенъ императоромъ. Императорскій титулъ Наполеона не былъ признанъ Россіей. Что же касается Австріи и Пруссіи, то онѣ поспѣшили услужливо признать его.

Переговоры съ Пруссіей и Австріей относительно образованія новой коалиціи противъ Наполеона продолжались. Но теперь и со стороны Австріи встрѣтились препятствія. Ссылаясь на финансовое истощеніе, австрійское правительство уклонялось отъ участія въ коалиціи. Это сильно раздражало Александра I.

— Вы идете по дорогѣ,—говорилъ онъ австрійскому воен-

ному агенту, не скрывая своего раздраженія,—которая приведетъ васъ къ погибели; вы отдаетесь подъ покровительство Франціи, которая съ вами играетъ, и кто знаетъ, куда заведетъ васъ робость!

Онъ старался убѣдить Австрію, что она своимъ образомъ дѣйствій погубитъ не только себя, но и Европу. Но робость Австріи передъ Наполеономъ была такъ велика, что всѣ уговоры были напрасны. Тогда Александръ сталъ энергично искать болѣе тѣснаго союза съ Англіей, чтобы съ ея помощью подготовить условія, необходимыя для осуществленія назрѣвшаго у него плана низверженія Наполеона и политическаго переустройства Европы.

Планъ былъ составленъ при содѣйствіи сардинскаго посла въ Петербургѣ Жозефа де-Мэстра. Сущность этого плана, многіе мотивы котораго были выполнены впослѣдствіи, заключалась въ слѣдующемъ. Такъ какъ самое могущественное оружіе, которымъ пользовались французы, состояло въ общемъ мнѣніи, что ихъ дѣло есть дѣло свободы и благосостоянія народовъ, то нужно было отнять у нихъ именно это оружіе и взять его въ свои руки, чтобы обратить его противъ самихъ французовъ. На этомъ основаніи между Англіей и Россіей должно было состояться соглашеніе: въ странахъ, которыя необходимо освободить отъ Наполеоновскаго ига, не возстановлять учрежденій стараго порядка, а упрочить свободу, «установленную на своихъ настоящихъ основаніяхъ». Такъ, сардинскій король, напримѣръ, котораго надо было возстановить на престолѣ, долженъ былъ даровать своимъ подданнымъ свободную и мудрую конституцію; Голландіи и Швейцаріи слѣдовало дать возможность устроиться, какъ онѣ хотятъ, и проч. Франціи надо было, по этому плану, объявить, что союзники сражаются не съ нею, а съ ея правительствомъ, которое такъ же угнетаетъ и ее, какъ и остальную Европу, и что ей предоставляется свободный выборъ формы правленія. По окончаніи войны съ Наполеономъ, согласно этому плану, необходимо было составить общій договоръ, который долженъ сдѣлаться основаніемъ взаимныхъ отношеній европейскихъ государствъ и въ которомъ ясно и точно должны быть установлены начала международнаго

права *). Для упроченія европейскаго мира считалось необходимымъ, чтобы внутренній строй въ каждомъ европейскомъ государствѣ былъ основанъ на «благоразумной свободѣ, дающей крѣпость правительствамъ, сдерживая страсти правителей». Англійскій премьеръ Питтъ вполнѣ согласился съ этимъ планомъ, который и былъ положенъ въ основаніе договора между Англіей и Россіей, заключеннаго въ мартѣ 1805 года. По этому договору оба государства обязывались принять самыя быстрыя и рѣшительныя мѣры для образованія коалиціи противъ Наполеона. Къ этой коалиціи необходимо было привлечь прежде всего Австрію; но австрійское правительство по прежнему дѣйствовало уклончиво, несмотря на то, что ей грозила опасность лишиться своихъ владѣній въ Италіи.

Въ это время Наполеонъ провозгласилъ себя королемъ Италіи и присоединилъ къ Франціи Лигурійскую республику (Геную). Этотъ вызовъ Наполеона подѣйствовалъ наконецъ, на Австрію; но Пруссія по прежнему уклонялась отъ участія въ коалиціи. Образовалась коалиція неполная, безъ участія Пруссіи, при ея неопредѣленномъ обѣщаніи играть роль «вооруженнаго посредника между воюющими сторонами».

Между тѣмъ Наполеонъ, придерживаясь своего мудраго правила не давать своимъ противникамъ соединиться и бить ихъ поодиночкѣ, съ необыкновенною быстротою и скрытностью двигалъ свои войска на востокъ, заручившись предварительно союзомъ съ курфюрстами баденскимъ, вюртембергскимъ, королемъ боварскимъ и герцогомъ дармштадтскимъ. Онъ неожиданно ворвался въ предѣлы Австріи, проведя свои войска чрезъ нѣкоторыя прусскія области и нарушивъ такимъ образомъ нейтралитетъ Пруссіи. Вскорѣ онъ нанесъ пораженіе русско-австрійскимъ войскамъ при Аустерлицѣ, послѣ котораго императоръ Францъ II, съ согласія Александра I, заключилъ отдѣльный миръ съ Наполеономъ, отказавшись, между прочемъ, отъ титула императора Священно-Римской Имперіи и принявъ титулъ императора Австрійскаго съ именемъ Франца I.

---

*) Попытку исполненія этой части плана представляетъ Вѣнскій конгрессъ.

Русскія войска вышли изъ Австріи, а Пруссія,—этотъ «вооруженный посредникъ между воюющими сторонами», — заключила съ Франціей союзъ. Такъ рушилась коалиція, составившаяся исключительно благодаря усиліямъ Александра I. Послѣ Аустерлицкаго сраженія господство Наполеона въ средней Европѣ было обезпечено. Австрія уступила ему Венецію и Тироль. Правители западной и южной Германіи превратились

Францъ I, императоръ Австрійскій.

въ его вассаловъ. Чтобы закрѣпить за собою эту часть Германіи, Наполеонъ образовалъ въ 1806 году изъ находившихся тамъ государствъ такъ называемый «Рейнскій союзъ» и объявилъ себя протекторомъ этого союза съ правомъ пользоваться его войсками. Самые крупные члены союза, Баварія и Вюртембергъ, превратились въ королевства. Духовныя владѣнія, архіепи-

скопства Майнцское, Трирское и Кёльнское, были секуляризованы, а мелкіе нѣмецкіе феодальные владѣльцы лишены были своихъ верховныхъ правъ и въ качествѣ титулованныхъ помѣщиковъ подчинены членамъ Рейнскаго союза.

Для характеристики Александра, въ его внѣшней политикѣ, весьма важны слѣдующія его слова, сказанныя имъ австрійскому уполномоченному передъ присоединеніемъ Австріи къ коалиціи:

— Сколько времени вы толкуете о приготовленіяхъ къ войнѣ и все еще не готовы! Какія благопріятныя минуты пропадаютъ! Бонапартъ усиливается; миръ привыкаетъ къ его господству и находитъ все естественнымъ. У васъ нѣтъ никакой энергіи; это—несчастіе для вашихъ союзниковъ.

А получивъ извѣстіе о присоединеніи Наполеономъ къ своимъ владѣніямъ Генуи, онъ говорилъ тому же уполномоченному:

— Этотъ человѣкъ (Наполеонъ) ненасытимъ; его честолюбіе не знаетъ границъ; это—бичъ вселенной! Въ Вѣнѣ должны остановиться на этомъ событіи. Я его предвидѣлъ, но никакъ не ожидалъ, чтобы Генуя была обращена во Французскую провинцію въ то самое время, когда хотѣли начать мирные переговоры съ *этимъ господиномъ*. Онъ надъ нами смѣется; онъ хочетъ войны. Ну, хорошо. Онъ будетъ ее имѣть, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Видите: мы медлимъ, а онъ пользуется.

Аустерлицкое пораженіе сильно разстроило Александра, тѣмъ болѣе, что онъ самъ балъ отчасти виноватъ въ немъ: ему принадлежала иниціатива въ наступленіи соединенныхъ русско-австрійскихъ войскъ на войска Наполеона; онъ не послушалъ совѣта Кутузова отступать и уклоняться отъ сраженія. Кутузовъ даже предсказывалъ ему неудачу... Это пораженіе произвело весьма тягостное впечатлѣніе и на русское общество: оно показало, что съ Наполеономъ не такъ-то легко справиться и что Россія далеко не можетъ считать себя безопасной отъ его завоевательныхъ замысловъ. Французское войско находилось недалеко отъ Польши, которая надѣялась съ помощью Наполеона возвратить свою независимость. Принявъ титулъ короля Италіи, Наполеонъ становился сосѣдомъ враждебной намъ Турціи.

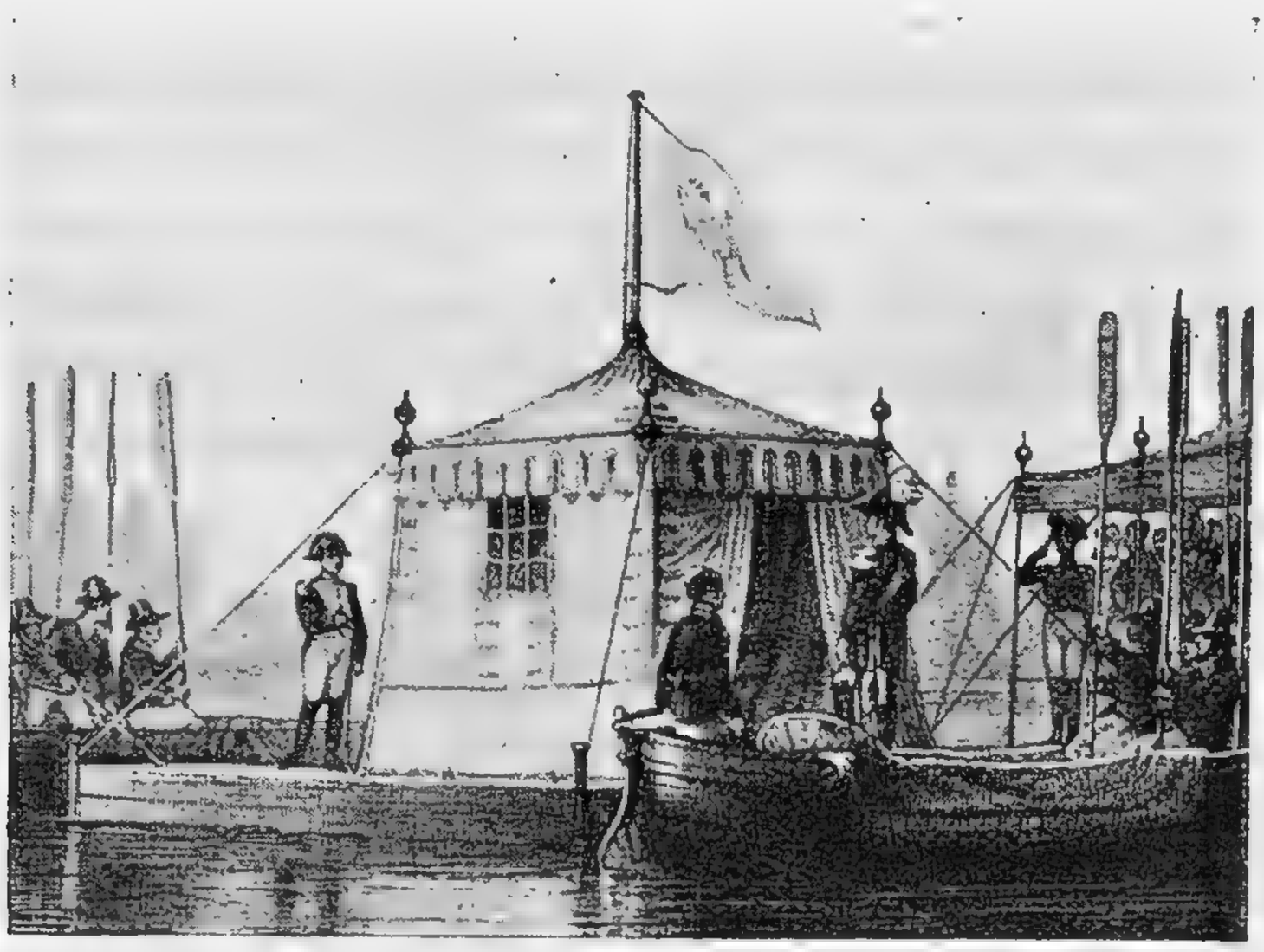
При такихъ обстоятельствахъ Александръ I, оправившійся отъ сильнаго нравственнаго потрясенія, рѣзко измѣнилъ систему своей внѣшней политики. Объ освобожденіи Европы отъ Наполеоновскаго ига и о благополучіи европейскихъ народовъ теперь нечего было и думать. Въ одномъ изъ своихъ рескриптовъ, относящихся къ этому времени, Александръ писалъ: «Моя система будетъ состоять въ защитѣ моихъ владѣній и государствъ, существованіе которыхъ будетъ необходимо для моей безопасности». Положеніе становилось очень затруднительнымъ еще и потому, что финансы Россіи были сильно истощены.

Между тѣмъ въ Пруссіи поднялось народное движеніе противъ господства Наполеона, приведшее къ разрыву съ Франціей. Наполеонъ произвелъ вторженіе въ Пруссію и, разбивъ прусскія войска при Іенѣ и Ауэрштедтѣ, занялъ Берлинъ. Пруссія была разгромлена. Министры и всѣ прусскіе чиновники принуждены были присягнуть Наполеону. Наполеонъ предложилъ очень тяжкія условія мира...

И въ этотъ моментъ, когда Прусскій король готовъ былъ признать полную свою зависимость отъ Наполеона, на помощь ему явился Александръ I, прекрасно понимавшій что паденіе Пруссіи грозитъ великою опасностью Россіи. Онъ разсчитывалъ, что и Австрія и Англія примкнутъ теперь къ союзу, но ошибся. Пришлось вести войну съ Наполеономъ только въ союзѣ съ Пруссіей. Война была неудачна: послѣ двухъ кровопролитныхъ битвъ, при Прейсишъ-Эйлау и подъ Фридландомъ, пришлось начать переговоры о мирѣ.

Наполеонъ, конечно, охотно пошелъ навстрѣчу этимъ переговорамъ. Ему представился теперь удобный и давно желанный случай заключить не только миръ, но и союзъ съ Россіей, и притомъ на такихъ условіяхъ, которыя не связывали бы ему рукъ. До сихъ поръ, при всякомъ своемъ захватѣ, онъ встрѣчалъ протестъ со стороны Россіи, которая служила опорою для всякаго, кто былъ обиженъ и искалъ защиты отъ насилій Наполеона. Привлечь Россію на свою сторону значило для Наполеона развязать себѣ руки относительно исполненія всѣхъ замысловъ, всѣхъ распоряженій въ Европѣ; это значило сломить всякое сопротивленіе, такъ какъ никто не могъ возстать противъ него безъ надежды на помощь Россіи.

Веденіе переговоровъ при такихъ важныхъ обстоятельствахъ рискованно было поручать уполномоченнымъ. И Александръ и Наполеонъ одинаково склонялись къ необходимости личнаго свиданія. Свиданіе состоялось близъ Тильзита на плоту, построенномъ среди р. Нѣмана, раздѣлявшаго русскую и французскую арміи. Послѣ этого оба императора нѣсколько разъ видѣлись въ Тильзитѣ, и между ними завязалась тѣсная дружба. Разочарованный въ своихъ союзникахъ, Александръ



Свиданіе Наполеона I съ Александромъ I около Тильзита.

сблизился съ Наполеономъ, которому не трудно было обворожить восторженнаго царя, готоваго теперь видѣть въ немъ необыкновеннаго, геніальнаго человѣка. Послѣ нѣсколькихъ свиданій между Франціей и Россіей заключенъ былъ Тильзитскій миръ. По этому миру Наполеонъ обѣщалъ не препятствовать присоединенію къ Россіи Финляндіи въ случаѣ войны со Швеціей. Взамѣнъ этого Александръ согласился признать всѣ завоеванія французской имперіи. Изъ польскихъ областей, принадлежавшихъ Пруссіи, было образовано герцогрство Варшавское, отданное королю Саксонскому, а Бѣлостокская область была присоединена къ Россіи. Кромѣ того, Алексадръ принялъ такъ называемую «континентальную блокаду», т.-е. согласился запереть свои гавани для англійскихъ товаровъ. Наконецъ, оба

императора обязались помогать другъ другу во всѣхъ своихъ войнахъ.

Вскорѣ послѣ этого началась у Россіи война со Швеціей, окончившаяся въ 1809 г. завоеваніемъ Финляндіи, а въ 1808 г. послѣ свиданія двухъ императоровъ въ Эрфуртѣ возобновилась турецкая война, при согласіи Наполеона на присоединеніе къ Россіи дунайскихъ княжествъ Молдавіи и Валахіи въ случаѣ удачнаго окончанія этой войны. Война эта затянулась до самаго вторженія Наполеона въ Россію.

Но Тильзитскій миръ въ сущности, какъ и слѣдовало ожидать, былъ только перемиріемъ. Повидимому, это понимали и сами «тильзитскіе друзья», какъ стали въ это время называть обоихъ императоровъ. Наполеону нуженъ былъ фальшивыій союзъ съ Россіей, чтобы осуществить свои планы на Западѣ и, прежде всего, выйти изъ затруднительнаго положенія, которое создавалось для него сильнымъ народнымъ движеніемъ въ Испаніи. Александру нуженъ былъ этотъ фальшивый союзъ съ Франціей, чтобы имѣть извѣстное время свободныя руки для разрѣшенія вопросовъ шведскаго, польскаго и турецкаго.

Фальшивый Тильзитскій союзъ былъ крайне непопуляренъ въ Россіи. Онъ возбуждалъ въ русскомъ обществѣ большое неудовольствіе и по политическимъ соображеніямъ и вслѣдствіе сопряженныхъ съ континетальною блокадоїй экономическихъ и финансовыхъ затрудненій для русскаго народа. Разрывъ съ прежними союзниками и дружба съ «исчадіемъ революціи», съ «олицетвореніемъ якобинства», съ «врагомъ рода человѣческаго» представлялся русскому обществу политической ошибкой Государя, а континентальная блокада причиняла Россіи большой вредъ, прекративъ выгодную и необходимую для нея торговлю съ Англіей. Принятіе континентальноі блокады сопровождалось сильнымъ вздорожаніемъ иностранныхъ товаровъ, сокращеніемъ вывоза русскихъ сырыхъ произведеніій, паденіемъ вексельнаго курса и ассигнаціій и, какъ слѣдствіе всего этого, повышеніемъ цѣнъ на всѣ предметы жизненныхъ потребностеій. Россія такимъ образомъ играла крайне невыгодную для нея роль орудія въ рукахъ Наполеона въ его борьбѣ съ Англіей. Слѣдовательно, Тильзитскій миръ не могъ быть прочнымъ.

Къ этому присоединились и другія обстоятельства, ускорившія новый разрывъ между Франціей и Россіей. Наполеонъ былъ недоволенъ постояннымъ заступничествомъ Александра за Пруссію. Послѣ отторженія отъ нея половины территоріи и почти половины ея народонаселенія, онъ добивался присоединенія къ своимъ владѣніямъ и Силезіи, пріобрѣтеніе которой стоило Пруссіи большихъ усилій и жертвъ въ XVIII вѣкѣ. Александръ энергично протестовалъ противъ такого захвата. Съ другой стороны, и Александръ имѣлъ основанія быть недовольнымъ своимъ «тильзитскимъ другомъ»: Наполеонъ попрежнему не выводилъ своихъ войскъ изъ Пруссіи. Кромѣ того, его войска постепенно подвигались къ Польшѣ, гдѣ могло возникнуть возстаніе, такъ какъ польскіе патріоты надѣялись съ помощью Наполеона превратить Варшавское герцогство въ польское королевство, съ присоединеніемъ къ нему всѣхъ областей, отошедшихъ къ Россіи при Екатеринѣ II. Польскій вопросъ имѣлъ для Россіи такое же жизненное значеніе, какъ и два другихъ коренныхъ вопроса русской внѣшней политики, шведскій и турецкій, или восточный, и Александръ сознавалъ, что этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ самою Россіей, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства.

Такимъ образомъ польскій вопросъ получилъ значеніе рѣшающаго фактора въ отношеніяхъ между Россіей и Франціей. Еще въ концѣ 1809 года Александръ предложилъ Наполеону заключить конвенцію на слѣдующихъ условіяхъ: 1) польское королевство никогда не будетъ возстановлено; 2) слова «Польша» и «поляки» никогда не будутъ употребляться въ международныхъ актахъ; 3) герцогство Варшавское не будетъ распространяться на счетъ прежде бывшихъ польскихъ областей. Наполеонъ въ открывшихся по этому случаю переговорахъ велъ себя уклончиво. Онъ соглашался признать всѣ эти условія, но тайно; Александръ же требовалъ отъ него открытаго, публичнаго признанія, надѣясь, что такимъ признаніемъ Наполеона навсегда будетъ положенъ конецъ волненіямъ въ Польшѣ. Наполеонъ не согласился на публичное признаніе, и оба союзника уже въ серединѣ 1810 года стали готовиться къ войнѣ, которая каждому изъ нихъ представлялась теперь неизбѣж-

ноїї. «Я первый не нападу,—говорилъ Александръ,—но если на меня пападутъ, буду защищаться». Ясно было, что нападетъ Наполеонъ. Союзъ съ Россіей его не удовлетворилъ: его союзникъ не желалъ ему подчиняться и стремился быть равнымъ съ нимъ. Необходимо было покончить съ такимъ союзникомъ, сломить послѣднее государство въ Европѣ, которое желало быть вполнѣ независимымъ и составляло единственную надежду другихъ, уже порабощенныхъ государствъ.

И Наполеонъ не стѣснялся теперь въ своихъ захватахъ. Для проведенія континентальноїї блокады, чтобы обезпечить исключеніе англійскихъ товаровъ изъ торговли на берегахъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, онъ захватилъ Ганзейскіе города и вмѣстѣ съ ними—владѣнія родственника императора Александра, герцога Ольденбургскаго. Среди гробового молчанія, производимаго французскимъ игомъ во всеїї Европѣ, и теперь, какъ послѣ убійства герцога Энгіенскаго, раздался одинъ только протестующій голосъ. Это былъ голосъ императора Александра, и легко понять, какое впечатлѣніе произвелъ этотъ голосъ среди всеобщаго молчанія. Все живое, питавшее ненависть къ чужому игу, обращалось туда, откуда раздался этотъ голосъ, говорившій всѣмъ, что есть еще въ Европѣ страна—непорабощенная. Наполеонъ былъ взбѣшенъ. «Зачѣмъ—говорилъ онъ,—императоръ Александръ протестовалъ? Зачѣмъ не вошелъ со мною въ соглашеніе? Герцогъ Ольденбургскіїї получилъ бы вознагражденіе»... Наполеонъ не понималъ, или не хотѣлъ понять, что протестъ произошелъ вслѣдствіе нарушенія равенства въ отношеніяхъ между двумя имперіями, что соглашеніе должно было предшествовать факту, а не слѣдовать за нимъ.

Война готовилась. Вооруженіямъ со стороны Франціи соотвѣтствовали вооруженія Россіи.

При такихъ обстоятельствахъ Александръ I весною 1812 года потребовалъ, чтобы французскія войска вышли изъ Пруссіи, а самъ отправился къ своеїї арміи, сосредоточенноїї около Вильны. Въ Іюнѣ Наполеонъ внезапно перешелъ Нѣманъ и во главѣ 600,000 войска, состоявшаго изъ солдатъ почти всѣхъ европейскихъ національностеїї, вторгся въ Россію. Въ его арміи

находились и польскія войска. Война 1812 года, имѣвшая для Наполеона роковое значеніе, началась.

Мы не будемъ описывать эту войну подробно, а укажемъ здѣсь лишь ея главные моменты.

По совѣту нѣкоторыхъ приближенныхъ, Александръ I уѣхалъ изъ Вильны въ Петербургъ. Русскія войска, раздѣленныя на три арміи, начали отступать передъ Наполеономъ. Непріятель быстро сталъ занимать одинъ городъ за другимъ, по дорогѣ къ Москвѣ. Только подъ Смоленскомъ успѣли соединиться двѣ русскія арміи, предводимыя Барклаемъ де-Толли и кн. Багратіономъ. Но они не въ силахъ были остановить наступленіе Наполеона. Попытка Кутузова задержать Наполеона при Бородинѣ тоже не имѣла успѣха, и въ началѣ сентября Наполеонъ былъ уже въ Москвѣ, откуда думалъ продиктовать Александру I условія мира. Но какъ разъ въ это время война съ французами сдѣлалась народною. Вмѣстѣ съ тѣмъ начались въ Москвѣ пожары, истребившіе почти весь городъ. Запасы для содержанія войска истощились, а подвозъ новыхъ затруднялся русскими партизанскими отрядами, появившимися на всѣхъ дорогахъ, которыя вели къ Москвѣ. Наполеонъ попробовалъ вступить съ Александромъ I въ переговоры, но не получилъ отвѣта. Пришлось оставить Москву. Началось бѣдственное отступленіе великой арміи. Самъ Наполеонъ, счастливо избѣжавшій плѣна при переправѣ черезъ Березину, во второй половинѣ ноября бросилъ все и уѣхалъ въ Парижъ. Варшавское герцогство было брошено на произволъ судьбы, и его столицу въ январѣ 1813 года заняли русскія войска.

Когда Россія была совсѣмъ очищена отъ вражескихъ полчищъ, русскій главнокомандующій Кутузовъ совѣтовалъ Александру этимъ и ограничиться. Но Александръ рѣшилъ перенести военныя дѣйствія противъ Наполеона за предѣлы Россіи. Въ этомъ намѣреніи сильно поддерживалъ его бывшій прусскій министръ Штейнъ, имѣвшій на Александра въ это время большое вліяніе. Такъ начался походъ 1813 года. Противъ Наполеона образовалась послѣдняя коалиція въ составъ которой, кромѣ Россіи, вошли Пруссія, Австрія, Англія и Швеція.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Наполеонъ въ Парижѣ. Начало борьбы съ коалиціей. Битва подъ Лейпцигомъ. Переговоры союзниковъ съ Наполеономъ и его упорство. Союзныя войска на французской территоріи. Взятіе Парижа. Талейранъ и низложеніе Наполеона. Отношеніе Александра I къ Наполеону. Реставрація Бурбоновъ. Сто дней. Ватерлоо и конецъ карьеры Наполеона.

Въ половинѣ апрѣля 1813 года всѣ земли по правому берегу Эльбы были уже во власти союзниковъ... Но въ то время, когда Александръ I энергично поднималъ противъ Наполеона пора-

Бертье.

бощенныя имъ государства, привлекая къ борьбѣ съ нимъ и государства, оставшіяся свободными, Наполеонъ не дремалъ. Его дѣятельность въ это время была изумительна. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ до своего отъѣзда изъ Парижа онъ работалъ,

какъ говорится, не покладая рукъ, чтобы создать войско, запасы, оружіе для новой борьбы. Ежедневно присутствовалъ онъ въ совѣтахъ, засѣданіяхъ, комитетахъ, являлся на смотрахъ, отправлялъ ежедневно сотни приказаній, обдумывалъ планъ войны, велъ дипломатическіе переговоры, занимался устройствомъ Франціи. Онъ работалъ и по ночамъ, засыпая и пробуждаясь надъ бумагами, картами, планами. Результатомъ этой изумительной дѣятельности было то, что къ апрѣлю мѣсяцу въ его распоряженіи было полмилліона войскъ и 600 пушекъ. Но въ сущности положеніе его было далеко не блестящимъ. Новыя ополченія, созданныя имъ въ три мѣсяца, свидѣтельствовали о покорности ему Франціи, но, наскоро набранныя и неопытныя, плохо вооруженныя, не могли замѣнить прежняго, испытаннаго въ бояхъ войска. Да и среди его прежнихъ сподвижниковъ, послѣ несчастнаго похода въ Россію, не было прежняго воодушевленія и, что особенно важно, прежней вѣры въ него, въ его счастіе. Вице-король Евгеній, благоговѣвшій передъ нимъ; Бертье, бывшій начальникомъ штаба его войскъ въ Россіи, привыкшій повиноваться ему, не думая и нѣкоторые другіе оставались ему по-прежнему преданными. Но остальные смотрѣли на будущее Наполеона очень скептически. Мюратъ первый рѣшительно отказался раздѣлять свою судьбу съ судьбою Наполеона и оставилъ армію, наскоро собранную изъ новобранцевъ.

— Я боленъ,—говорилъ онъ Бертье, уѣзжая изъ арміи,—и что тутъ мнѣ, королю, дѣлать? Провожать эту сволочь достаточно какого-нибудь генерала!

— И я боленъ, но остаюсь!—пробовалъ повліять на него Бертье.

— Можешь,—отвѣчалъ ему Мюратъ,—но съ меня довольно: если *ему* угодно сломить себѣ шею, пусть сломитъ ее онъ одинъ.

Братья Наполеона раздѣляли настроеніе Мюрата. Іосифъ умолялъ избавить его отъ Испанскаго королевства; Людовикъ, поселившійся теперь въ Швейцаріи, и Іеронимъ, ожидавшій, что союзники выгонятъ его изъ Вестфальскаго королевства, были противъ продолженія борьбы. Ходили слухи, что маршалъ Ней, «храбрѣйшій изъ храбрыхъ», этотъ «честный солдатъ», затѣвалъ

перейти на сторону союзниковъ, а маршалъ Ожеро, одинъ изъ наиболѣе отличившихся въ войнѣ 1812 года, однажды слѣдующимъ образомъ высказался въ бесѣдѣ съ Фушэ:

— Кажется, наше солнце навсегда закатилось... Какая война!.. Онъ не помирится, не уступитъ... Да, не уступитъ, пока не сорвутъ съ него головы, а въ ожиданіи такой благодати сорвутъ сперва головы съ насъ!

Такъ разсуждали главные сподвижники Наполеона, изъ которыхъ многіе въ свое время возставали противъ похода въ Россію, предсказывая неудачу. Народъ покорно и терпѣливо несъ новыя тягости, сопряженныя съ приготовленіями къ войнѣ. Но любви къ императору въ этомъ народѣ уже не было, потому что неудачный походъ въ Россію сорвалъ съ него ореолъ славы. Да и могъ ли быть ему преданнымъ народъ, въ которомъ трудно было отыскать семью, не погруженную въ трауръ. Глухой ропотъ и уныніе распространялись въ народѣ. И въ обществѣ начинало подниматься недовольство; задавленная Наполеономъ оппозиція снова пробуждалась, и ненавистные ему «идеологи» подымали голову и мало-по-малу начинали дѣйствовать, выступая кто во имя республики, кто во имя конституціи, а кто во имя Бурбоновъ.

Этимъ настроеніемъ общества, народа и сподвижниковъ Наполеона старались воспользоваться сторонники Людовика XVIII *), распространявшіе по Франціи его прокламаціи. Въ одной изъ этихъ прокламацій, между прочимъ, было сказано: «Наступилъ часъ, когда Провидѣнію угодно прекратить гнѣвъ свой: похититель трона св. Людовика, опустошитель Европы, испытываетъ въ свою очередь бѣдствія. Они умножаютъ только скорби Франціи, и неужели Франція не осмѣлится отвергнуть власть ненавистную, уже не прикрытую очарованіемъ побѣдъ? Что можетъ ей препятствовать броситься въ объятія законнаго короля, когда возвращеніе его будетъ ознаменовано миромъ, союзомъ и благоденствіемъ?»...

---

*) Братъ Людовика XVI. Послѣ смерти сына Людовика XVI, котораго сторонники Бурбоновъ нарекли Людовикомъ XVII, принялъ титулъ Людовика XVIII.

Въ то же время ко всѣмъ значительнымъ гражданскимъ и военнымъ чиновникамъ были разосланы письма Людовика XVIII, въ которыхъ имъ обѣщаны были чины и награды въ случаѣ, если они перейдутъ на его сторону. Подобныя же письма распространялись и въ войскахъ...

При такихъ обстоятельствахъ начиналась послѣдняя борьба Наполеона съ европейскою коалиціей.

Въ началѣ апрѣля онъ оставилъ Парижъ, чтобы лично стать во главѣ своихъ войскъ. Уѣзжая, онъ настоялъ на томъ, чтобы жена его Марія-Луиза была признана на время его отлучки и на случай смерти регентшей государства и предсѣдательницей Государственнаго Совѣта, а малолѣтній сынъ его, Наполеонъ герцогъ Рейхштадтскій,—наслѣдникомъ престола.

Начало новой борьбы Наполеона съ союзниками было удачно для него. Но вскорѣ войска его стали терпѣть пораженія. Въ половинѣ октября произошла знаменитая трехдневная битва подъ Лейпцигомъ, которую онъ проигралъ и которая рѣшила судьбу всей кампаніи. Ближайшимъ ея слѣдствіемъ были разрушеніе Рейнскаго союза и переходъ на сторону коалиціи Вюртемберга и Баваріи. Къ концу 1813 года земли на востокъ отъ Рейна были уже свободны отъ французовъ.

Еще до Лейпцигской битвы союзные государи предлагали Наполеону вступить въ мирные переговоры; но онъ не соглашался ни на какія условія. Послѣ этой битвы ему снова предложенъ былъ миръ на условіяхъ сохраненія за Франціей рейнской и альпійской границъ и отказа отъ господства въ Германіи, Голландіи, Италіи и Испаніи. Но онъ продолжалъ упорствовать, хотя въ самой Франціи общественное мнѣніе считало эти условія пріемлемыми. Новое предложеніе о мирѣ въ серединѣ февраля 1814 года, когда союзники были уже на французской территоріи, тоже ни къ чему не привело. Война шла съ перемѣннымъ счастіемъ; но одно пораженіе французской арміи открыло союзникамъ дорогу къ Парижу. 30 марта они взяли приступомъ господствующія надъ этимъ городомъ Монмартрскія высоты, и на слѣдующій день совершилось ихъ торжественное вступленіе въ столицу Франціи.

Императоръ Александръ I былъ теперь на верху своей сла-

вы. Какъ освободитель Европы, онъ въѣзжалъ въ столицу Франціи во главѣ союзныхъ войскъ, привѣтствуемый населеніемъ города. Онъ былъ сильно взволнованъ въ эту торжественную минуту. Ему вспомнилось все прошлое со дня вступленія его на престолъ, когда онъ явился провозгласителемъ великой идеи успокоенія Европы отъ революціонныхъ войнъ и бурь, провозгласителемъ идеи возстановленія равновѣсія между государствами и правды въ ихъ отношеніяхъ при удовлетвореніи новыхъ народныхъ потребностей, проявившихся подъ вліяніемъ великой французской революціи. Онъ, воспитанникъ швейцарца Лагарпа, государь «Божіей Милостью», шесть лѣтъ тому

Въѣздъ Александра I въ Парижъ.

назадъ протянулъ руку примиренія «человѣку вчерашняго дня», выдвинутому революціей, приглашая его вмѣстѣ работать надъ водвореніемъ въ Европѣ новаго, лучшаго порядка вещей. Но сынъ революціи не принялъ предложенія либеральнаго самодержца, и между ними началась борьба. Въ эту борьбу Александръ вступилъ безъ колебаній, являясь представителемъ нравственныхъ началъ противъ человѣка, стремившагося къ всемірному господству путемъ обмановъ, захватовъ, насилій и угнетеній. Но борьба шла неудачно; приходилось переживать всевозможныя лишенія и униженія. Не встрѣчалось извнѣ ни

сочувствія ни надежной поддержки. Ему не довѣряли, считали его неспособнымъ къ борьбѣ съ великаномъ—Наполеономъ... И однако онъ вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы, исключительно благодаря своей твердости и настойчивости, своей глубокой вѣрѣ въ торжество нравственныхъ началъ надъ насиліями, въ торжество добра надъ зломъ...

Всѣ эти мысли и чувства, пережитыя Александромъ въ моментъ вступленія въ Парижъ, вылились въ простой фразѣ, съ которой онъ обратился къ сопровождавшему его генералу Ермолову:

— Ну, что, Алексѣй Петровичъ, теперь скажутъ въ Петербургѣ? Вѣдь было время, когда у насъ, величая Наполеона, меня считали простачкомъ...

Вмѣстѣ съ русскимъ императоромъ вступалъ въ Парижъ и прусскій король. Императоръ австрійскій не пожелалъ участвовать въ этомъ торжествѣ. Австріи не могло быть пріятно торжество Россіи: до послѣдняго момента австрійское правительство было противъ низложенія Наполеона, желая сохранить его, какъ противовѣсъ развивавшемуся могуществу русскаго императора.

Наполеонъ не поспѣлъ съ своими войсками на выручку Парижа и узнавъ, что сраженіе подъ Парижемъ кончилось и что императрица съ его сыномъ, дворъ и министры удалились въ Рамбулье, остановился въ Фонтенебло. Въ это время главную роль въ рѣшеніи его судьбы и судьбы Франціи взялъ на себя его бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ Талейранъ, оставшійся въ Парижѣ и вступившій въ непосредственныя сношенія съ Александромъ, который, по его приглашенію, поселился въ его домѣ. Объ этомъ знаменитомъ дипломатѣ скажемъ нѣсколько словъ.

Впервые выступилъ онъ на арену политической дѣятельности, будучи епископомъ Отенскимъ, въ національномъ собраніи 1789 года. Онъ принадлежалъ къ той партіи реформъ, которая имѣла тайныя сношенія съ Людовикомъ XVI и его дворомъ. Въ эпоху террора онъ скрывался въ Америкѣ. При Наполеонѣ онъ сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ, сложивъ съ себя духовный санъ, и пользовался его довѣріемъ

до 1809 года. Съ этого времени онъ былъ въ удаленіи отъ двора. Той системѣ дѣйствій, которой держался Наполеонъ, онъ не сочувствовалъ и, убѣдившись, что Наполеонъ отъ своей завоевательной политики никогда не отступится, онъ повелъ противъ него интригу, проявивъ въ ней много ума, хитрости и изворотливости,—качества, которыя дѣлали его однимъ изъ наиболѣе выдающихся дипломатовъ того времени, съ которымъ могъ состязаться одинъ только Метернихъ.

Знатный господинъ и епископъ при старой монархіи, сбросившій съ себя духовный санъ передъ силой революціоннаго движенія, во́-время ускользнувшій отъ гильотины и во́-время вернувшійся на родину, игравшій до 1809 г. при Наполеонѣ роль перваго совѣтника, котораго тотъ не могъ затмить своею славой, Талейранъ всегда держался мудраго правила, гласившаго, что «только сумасшедшіе остаются въ домѣ, когда онъ начинаетъ горѣть».

И онъ во́-время сталъ чувствовать запахъ гари въ томъ грандіозномъ зданіи, которое сооружилъ Наполеонъ. Чтобы спасти это зданіе отъ пожара, по мнѣнію Талейрана, была только одна мѣра: Наполеонъ долженъ былъ остановиться въ своихъ захватахъ и заняться упроченіемъ пріобрѣтеннаго для своей династіи. Но у Наполеона не было дѣтей, а среди братьевъ не было ни одного съ выдающимися способностями. Необходимо было Наполеону развестись съ бездѣтной Жозефиной. Этотъ разводъ состоялся. Состоялся и новый бракъ Наполеона, отъ котораго появился и наслѣдникъ. Но Наполеонъ продолжалъ воевать. По мнѣнію Талейрана и его сообщниковъ, къ числу которыхъ принадлежалъ теперь и Фушэ, Наполеона надо было или пересилить, заставить отказаться отъ завоевательной политики, или низвергнуть съ престола.

Несмотря на свое охлажденіе къ Талейрану, Наполеонъ взялъ его съ собою въ Эрфуртъ на свиданіе съ Александромъ I. Здѣсь Талейранъ вступилъ въ тайныя сношенія съ Александромъ и выдалъ ему свой планъ.

— Государь,—говорилъ онъ ему,—зачѣмъ вы сюда пріѣхали? Ваше дѣло спасать Европу; но достигнуть этого вы можете не союзомъ, а борьбою съ Наполеономъ. Французскій на-

родъ цивилизованъ, а его государь — варваръ; русскій государь — человѣкъ цивилизованный, а народъ его варварскій; слѣдовательно, русскій государь долженъ быть союзникомъ французскаго народа. Рейнъ, Альпы и Пиринеи—это завоеванія Франціи; все остальное—завоеванія императора; Франція въ этомъ не нуждается.

Герцогъ Рейхштадскій (Наполеонъ II).

Онъ старался содѣйствовать заключенію союза Россіи съ Австріей противъ Наполеона и толковалъ Меттерниху:

— Интересъ самой Франціи требуетъ, чтобы государства, могущія противиться Наполеону, соединились и противопоставили оплотъ его ненасытному честолюбію. Дѣло Наполеона не

есть уже дѣло Франціи; Европа можетъ быть спасена только тѣснымъ союзомъ между Австріей и Россіей...

Теперь, когда Александръ I былъ въ Парижѣ и поселился въ его домѣ, онъ открыто заявилъ ему, что необходимо, и въ интересахъ всей Европы и для блага Франціи, не только низложить Наполеона, но лишить и его сына права наслѣдовать ему и возстановить Бурбоновъ.

Результатомъ внушеній Талейрана была прокламація союзныхъ государей къ французскому народу, объявлявшая, что они не вступятъ въ переговоры ни съ Наполеономъ ни съ кѣмъ-либо изъ членовъ его фамиліи; что они уважаютъ цѣлость прежней Франціи, какою она была при королях *законныхъ*; что признаютъ и гарантируютъ конституцію, какую французскій народъ себѣ дастъ, и приглашаютъ Сенатъ назначить временное правительство.

Временное правительство назначилъ въ сущности самъ Талейранъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, изъ пяти близкихъ къ нему лицъ.

Но въ то время, когда Талейранъ «уходилъ изъ горящаго дома», другой французскій дипломатъ усиленно хлопоталъ въ пользу Наполеона. Это былъ Коленкуръ. Онъ ѣздилъ къ знатнымъ людямъ, обязаннымъ всѣмъ Наполеону, умолялъ ихъ дѣйствовать въ пользу императора, но успѣха не имѣлъ. Сенатъ объявилъ низверженіе Наполеона на томъ основаніи, что онъ «нарушилъ законы, въ силу которыхъ призванъ былъ царствовать, попралъ свободу частную и общественную». Александръ I, къ которому обратился Коленкуръ, посовѣтовалъ ему не тратить понапрасну времени въ Парижѣ, а ѣхать въ Фонтенебло и уговорить Наполеона отречься отъ престола, при чемъ предлагалъ дать Наполеону убѣжище въ Россіи, обѣщая ему блистательное и радушное гостепріимство. Александръ соглашался даже на отреченіе Наполеона въ пользу сына, юнаго герцога Рейхштадтскаго.

Явившись въ Фонтенебло, Коленкуръ цѣлую ночь уговаривалъ Наполеона согласиться на это отреченіе. Утромъ Наполеонъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ на аванпосты своей арміи, которой собралось вокругъ Фонтенебло около 50,000 человѣкъ.

Осмотрѣвъ войска и убѣдившись въ неизмѣнной ихъ привязанности къ себѣ, онъ, по возвращеніи въ Фонтенебло, заявилъ, что не уступитъ своимъ врагамъ безъ боя, что объ отреченіи въ пользу сына нечего и думать, такъ какъ императрица—регентша и его сынъ и двухъ недѣль не продержатся, ихъ свергнутъ и возстановятъ Бурбоновъ. Но сочувствія среди своихъ маршаловъ и генераловъ онъ не встрѣтилъ: всѣ,—и Ней, и Бертье, и Макдональдъ, и Коленкуръ и др., — совѣтовали ему торопиться съ отреченіемъ въ пользу сына. Въ это время было получено опредѣленіе Сената о лишеніи Наполеона престола.

Коленкуръ.

Споры и пререканія продолжались почти цѣлый день. Но, наконецъ, Наполеонъ понялъ, что дѣло его проиграно. Оставалось только уйти съ честью. Онъ взялъ перо и написалъ свое такъ называемое *первое* отреченіе отъ престола. Это отреченіе должно было свидѣтельствовать передъ потомствомъ о его великодушномъ самопожертвованіи. Вотъ это отреченіе:

«Союзные государи объявили, что Наполеонъ—единственное препятствіе къ возстановленію мира въ Европѣ. Вѣрный

своей присягѣ, императоръ Наполеонъ объявляетъ, что онъ готовъ сойти съ трона, оставить Францію и даже свою жизнь для блага отечества, нераздѣльнаго съ правами его сына, регентствомъ императрицы и соблюденіемъ законовъ Имперіи. 4 апрѣля 1814 г., во дворцѣ нашемъ Фонтенебло. Наполеонъ».

Съ этимъ отреченіемъ онъ отправилъ для окончательныхъ переговоровъ Коленкура, присоединивъ къ нему, какъ представителей арміи, маршаловъ Нея и Макдональда. По дорогѣ къ нимъ долженъ былъ присоединиться и маршалъ Мармонъ,

Ней.

занимавшій съ своимъ корпусомъ весьма важную позицію, прикрывавшую Фонтенебло. Но при этомъ онъ запретилъ своимъ уполномоченнымъ вступать въ какія бы то ни было сношенія съ сенатомъ, признавая его мятежнымъ нарушителемъ всѣхъ законовъ имперіи.

— Обратитесь къ императору Александру, — сказалъ онъ имъ,—и съ нимъ ведите переговоры.

Прибывъ въ Парижъ, маршалы цѣлую ночь провели въ переговорахъ съ императоромъ Александромъ, настаивая на

регентствѣ Маріи-Луизы во время малолѣтства Наполеона II. Въ переднихъ комнатахъ они столкнулись съ роялистами и Талейраномъ; перебранились съ ними и подняли такой шумъ, что Талейранъ долженъ былъ имъ напомнить, что они находятся въ помѣщеніи русскаго императора. Въ этихъ спорахъ Талейранъ твердилъ одно:

— Бурбоны! Бурбоны! Только въ нихъ законность; все остальное только дымъ и интрига...

Къ нему сталъ склоняться и маршалъ Ней. Но все дѣло было рѣшено поведеніемъ Мармона. Онъ явился вмѣстѣ съ уполномоченными Наполеона; но онъ уже находился въ сношеніяхъ съ союзниками и выражалъ готовность перейти съ своимъ корпусомъ на ихъ сторону подъ условіемъ сохраненія престола за Наполеономъ и его династіей. На другой день уполномоченные Наполеона снова должны были явиться въ квартиру Александра, и здѣсь произошла интересная сцена.

Когда маршалы увѣряли Александра въ преданности всего войска и всей Франціи Наполеону и настаивали на этомъ основаніи на признаніи регенства Маріи-Луизы и передачѣ престола Наполеону II, въ комнату вошелъ адъютантъ Александра I и что-то сказалъ ему на ухо. Послѣ этого Александръ обратился къ маршаламъ съ слѣдующими словами:

— Что же значатъ, господа, всѣ ваши увѣренія? Весь корпусъ г. Мармона перешелъ, оказывается, на сторону временнаго правительства въ то самое время, когда вы увѣряете меня въ приверженности войска къ прежнему повелителю.

Все было кончено. Александръ немедленно удалился для совѣщанія съ прусскимъ королемъ и министрами. Затѣмъ, выйдя опять къ маршаламъ, онъ твердымъ тономъ объявилъ имъ, что одни только Бурбоны пригодны для Франціи и для Европы.

Извѣстіе объ этомъ страшно поразило Наполеона своею неожиданностью.

— Какъ!—вскричалъ онъ—Не довольно и моего отреченія? Надобно еще, чтобы я отрекся за императрицу и за моего сына?

Но гдѣ были императрица и сынъ Наполеона? Оказалось, что они съ сопровождавшими ихъ министрами переѣхали въ

Блуа, что вокругъ ихъ нѣтъ войскъ, что они отрѣзаны отъ Парижа и Фонтенебло непріятельскими отрядами и что въ Блуа такъ же готово обнаружиться предательство, какъ обнаружилось оно въ Парижѣ. Узнавъ объ этомъ и видя, что на энергичную поддержку своихъ бывшихъ товарищей въ дальнѣйшей борьбѣ онъ разсчитывать не можетъ, понимая, наконецъ, что можетъ изъ-за него возникнуть во Франціи междоусобная война, которой онъ не желалъ, онъ скрѣпя сердце рѣшилъ покориться судьбѣ.

— Итакъ, вы хотите спокойствія? сказалъ онъ своимъ маршаламъ.—Хорошо, вы будете его имѣть. Но вы не знаете, сколько несчастій и опасностей ожидаетъ васъ на вашихъ пуховыхъ постеляхъ... Черезъ нѣсколько лѣтъ за этотъ миръ многіе изъ васъ заплатятъ своими головами, чего не было даже при самой отчаянной войнѣ *).

Онъ подошелъ къ бюро и написалъ свое второе и послѣднее отреченіе:

«Союзныя державы объявили, что Наполеонъ—единственное препятствіе къ возстановленію мира въ Европѣ. Вѣрный своей присягѣ, императоръ объявляетъ, что отказывается за себя и своихъ наслѣдниковъ отъ престоловъ Франціи и Италіи и что нѣтъ жертвы, даже самою жизнью, которой не былъ бы готовъ онъ принести на пользу Франціи. 6 апрѣля 1814 г., во дворцѣ Фонтенебло. Наполеонъ».

Коленкуръ, Ней и Макдональдъ снова отправились въ Парижъ, уже съ безусловнымъ отреченіемъ Наполеона. Заключенъ былъ трактатъ, главныя условія котораго заключались въ слѣдующемъ.

За Наполеономъ сохранялся императорскій титулъ, и ему во владѣніе предоставлялся о-въ Эльба, близъ Италіи, съ 2 мил. пенсіи изъ государственныхъ средствъ Франціи. Всѣ родственники его сохраняли титулы принцевъ и принцессъ и огромныя пенсіи. Изъ своихъ гвардейцевъ Наполеонъ могъ составить себѣ отрядъ тѣлохранителей въ 400 чел. и, кромѣ того, могъ

---

*) Предсказаніе Наполеона сбылось: вскорѣ погибли Бертье, Мюратъ, Ней и много другихъ, жившихъ только его карьерой.

устроить свой дворъ изъ лицъ по своему выбору. Островъ Эльба предоставленъ былъ ему по настоянію Александра, обѣщавшаго это Коленкуру. Другіе союзники сильно противъ этого возражали, указывая на близость острова къ Италіи и Франціи.

Желѣзный характеръ Наполеона не выдержалъ этого тяжкаго испытанія. Въ ночь на 11-е апрѣля онъ принялъ ядъ, который со времени отступленія отъ Москвы постоянно имѣлъ при себѣ. Но дѣло кончилось одною рвотой, и послѣ крѣпкаго сна Наполеонъ не рѣшился повторить пріемъ.

Отъѣздъ его изъ Франціи сопровождался неистовствами народа, забывшаго своего героя-императора и называвшаго его теперь «корсиканскимъ людоѣдомъ». Въ Оранжѣ ему приходилось слышать крики толпы: «Смерть тирану!» Въ Авиньонѣ толпа требовала выдачи «корсиканца», чтобы разорвать его на части или утопить. Наполеонъ, подъ вліяніемъ этихъ сценъ, впадалъ въ полное малодушіе, будучи увѣренъ, что его убьютъ. Изъ предосторожности онъ переодѣлся въ иностранный мундиръ. Въ Оргонѣ народъ бросился къ его каретѣ съ приготовленной заранѣе висилицей, и комиссарамъ, сопровождавшимъ его, едва удалось спасти его. Среди этихъ сценъ Наполеонъ однажды не выдержалъ и разрыдался...

Законнымъ королемъ Франціи союзники объявили Людовика XVIII, котораго французскій сенатъ предварительно провозгласилъ королемъ, свободно призваннымъ на престолъ націей. Но здѣсь произошло нѣкоторое недоразумѣніе. Людовикъ XVIII хотѣлъ царствовать исключительно по своему наслѣдственному праву. Онъ не принялъ конституціи, составленной сенатомъ, и вмѣсто нея пожаловалъ Франціи своею властью конституціонную хартію, да и то подъ сильнымъ давленіемъ Александра I, согласившагося на реставрацію Бурбоновъ лишь подъ условіемъ дарованія Франціи конституціи. Съ Людовикомъ XVIII вернулись его младшій братъ и наслѣдникъ, графъ д'Артуа (впослѣдствіи король Карлъ X), другіе принцы и многочисленные эмигранты изъ наиболѣе непримиримыхъ представителей до-революціонной Франціи. Нація вскорѣ почувствовала, что Бурбоны и эмигранты въ изгнаніи, по выраженію Наполеона, «ничего не позабыли и ничему не научились».

Всѣмъ было ясно стремленіе новаго правительства возстановить старый порядокъ во всѣхъ его подробностяхъ. Въ народѣ заговорили даже о возстановленіи крѣпостного права. Наполеонъ слѣдилъ на о-вѣ Эльбѣ за всѣмъ, что происходило во Франціи, за тѣмъ, какъ росло раздраженіе противъ Бурбоновъ. Ему извѣстны были также и раздоры между союзниками, собравшимися осенью 1814 г. въ Вѣнѣ на конгрессъ для устроенія евро-

Людовикъ XVIII.

пейскихъ дѣлъ. Въ глазахъ павшаго императора это были благопріятныя обстоятельства для возвращенія себѣ власти во Франціи.

1-го марта 1815 года онъ съ небольшимъ отрядомъ покинулъ о-въ Эльбу и неожиданно высадился близъ Канна, откуда двинулся въ Парижъ, распространяя чрезъ своихъ агентовъ прокламаціи къ арміи и къ народу.

«Я былъ возведенъ на престолъ по вашему избранію,— говорилъ онъ въ своей прокламаціи къ народу,—и все, что сдѣлано безъ васъ, незаконно... Пусть государь, который посаженъ на мой престолъ силою армій, опустошившихъ нашу страну, ссылается на принципы феодальнаго права; но онъ можетъ обезпечить интересы лишь небольшой кучки враговъ

Люсьенъ Бонапартъ.

народа!.. Французы! въ изгнаніи своемъ я услышалъ ваши жалобы и желанія: вы требовали возвращенія правительства, выбраннаго вами и потому единственно законнаго...» Его маленькій отрядъ по пути въ Парижъ съ каждымъ днемъ возрасталъ отъ присоединявшихся къ нему солдатъ. Народъ видѣлъ теперь въ немъ спасителя своего отъ эмигрантовъ. На его

сторону перешелъ и посланный противъ него съ войскомъ маршалъ Ней. Людовикъ XVIII принужденъ былъ бѣжать изъ Парижа; а на другой день послѣ его бѣгства толпа буквально на рукахъ внесла Наполеона во дворецъ, только наканунѣ покинутый королемъ. Наученный горькимъ опытомъ, Наполеонъ, чтобы укрѣпить за собою преданность націи, составилъ новую конституцію, утверждавшую во Франціи конституціонную монархію. Но при первыхъ же шагахъ его въ роли конституціоннаго монарха оказалось, что въ сущности онъ желалъ оста-

Наполеонъ подъ Ватерлоо.

ваться прежнимъ императоромъ-деспотомъ. Когда собралась новая палата депутатовъ, обнаружилось, что бонапартисты въ ней не имѣли никакого значенія. Желаніе Наполеона, чтобы въ президенты палаты былъ избранъ братъ его Люсьенъ, не было исполнено. Отвѣтные адресы народныхъ представителей на его тронную рѣчь, въ которой онъ говорилъ о введеніи конституціи, не понравились ему, такъ какъ заключали въ себѣ предостереженія и наставленія. Составъ палаты депутатовъ пред-

ставлялъ полный хаосъ: партіи, изъ которыхъ ни одна не могла разсчитывать на большинство, безпорядочно сталкивались между собою. Наполеонъ сердился, грозилъ и въ своихъ рѣчахъ не стѣснялся въ выраженіяхъ.

— Я вамъ не Людовикъ XVI,—говорилъ, напримѣръ, онъ, —я не позволю предписывать себѣ законы адвокатамъ или отрубить себѣ голову бунтовщикамъ! За всѣ мои уступки меня оскорбляютъ. Ну, хорошо! Я распущу палату и аппеллирую къ Франціи, которая знаетъ одного меня». Дальнѣйшаго развитія конфликтъ этотъ не имѣлъ, такъ какъ Наполеонъ отправился къ арміи. Онъ разсчитывалъ, что побѣды надъ союзниками упрочатъ его положеніе и превратятъ мятежниковъ въ льстецовъ. Но эта надежда не оправдалась. Спустя 12 дней послѣ его отъѣзда изъ Парижа, было получено извѣстіе о его пораженіи при Ватерлоо англо-прусскими войсками. Наполеонъ снова принужденъ былъ отречься отъ престола въ пользу сына, который былъ провозглашенъ палатой депутатовъ императоромъ. Но союзныя войска снова подошли къ Парижу, и дѣло бонапартистовъ было проиграно окончательно. Людовикъ XVIII былъ возстановленъ. Наполеонъ бѣжалъ къ атлантическому океану и явился на одинъ англійскій корабль. Союзники отправили его теперь на отдаленный островъ Св. Елены, гдѣ онъ и прожилъ жизнью плѣнника шесть лѣтъ. Кратковременное его правленіе во Франціи до битвы при Ватерлоо извѣстно въ исторіи подъ названіемъ «Ста дней». Такъ окончилась карьера Наполеона.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Историческое значеніе Наполеоновской эпохи. Вѣнскій конгрессъ и идея легитимизма. Священный союзъ и Европейская реакція. Реакція въ Россіи во вторую половину царствованія Императора Александра I.

Историческая роль Наполеона, и при жизни его и послѣ его смерти, разсматривалась и разсматривается различно: одни видѣли въ немъ сокрушителя революціи, другіе—ея продолжателя. Оба эти взгляда правильны: роль Наполеона была двоій-

Смерть Наполеона.

ственная, отвѣчавшая двумъ сторонамъ французской великой революціи. Революція имѣла двѣ стороны — политическую и соціальную. И Наполеонъ, съ одноій стороны, былъ дѣйствительно сокрушителемъ революціи: онъ былъ однимъ изъ самыхъ

опасныхъ враговъ той политической свободы, которой французская нація добивалась въ 1789 году. Съ другой стороны, онъ обезпечилъ для дальнѣйшаго развитія тѣ соціальныя пріобрѣтенія, которыя были сдѣланы благодаря революціи, т. е. уничтоженіе сословнаго строя, дворянскихъ привилегій, феодальныхъ правъ и т. д. Первая сторона дѣятельности Наполеона проявилась преимущественно во Франціи, вторая—и во Франціи и въ Европѣ. О первой сторонѣ его дѣятельности нами было уже достаточно сказано въ своемъ мѣстѣ. Поговоримъ о второй, въ которой и заключается въ сущности историческое значеніе наполеоновской эпохи. Эта дѣятельность рѣзко распадается на два періода: 1) до заключенія Тильзитскаго міра и 2) послѣ заключенія его.

Для стараго порядка въ континентальной Европѣ не было врага болѣе ужаснаго, чѣмъ Наполеонъ въ императорской порфирѣ. Охваченный революціоннымъ движеніемъ, онъ, будучи деспотомъ въ душѣ, удовлетворяя собственному эгоизму, служилъ въ то же время революціоннымъ идеямъ. По отношенію къ другимъ государствамъ, французскій императоръ являлся разрушительнымъ революціонеромъ. Не даромъ его инстинктивно ненавидѣли оба высшія феодальныя сословія, жившія прежними привилегіями, дворянство и духовенство. Никогда хрупкіе остатки феодализма не испытывали такого сильнаго удара, какой былъ имъ нанесенъ могучей рукой французскаго Цезаря, опиравшагося на демократію, притомъ именно тамъ, гдѣ этотъ феодализмъ укоренился болѣе всего, какъ въ Неаполѣ и Испаніи. Въ Германіи было унижено имперское дворянство и столь же сильный ударъ былъ нанесенъ католической іерархіи. Здѣсь былъ положенъ конецъ владычеству духовенства, ибо секуляризація громадныхъ церковныхъ имуществъ съ 3-мя милліонами людей, получившихъ свободу, нанесла католической церкви ударъ болѣе сильный, чѣмъ тотъ, которымъ поразила ее реформація. Повсемѣстно, гдѣ устанавливалось господство Наполеона, исчезало крѣпостное право. Этого мало. Наполеонъ затронулъ такія струны политической исторіи, которыя до него никѣмъ не были задѣты, хотя многое въ этомъ отношеніи и не входило въ его расчетъ. Онъ пробудилъ у многихъ народовъ

тѣ патріотическія стремленія, которыя были заглушены въ предшествовавшіе вѣка и которыми они живутъ по настоящее время. Мы разумѣемъ начало національности, происхожденіе котораго слѣдуетъ вести съ Наполеона I. Правда, онъ дѣйствовалъ на этомъ поприщѣ нерѣшительно, но тѣмъ не менѣе разбудилъ дремавшіе инстинкты къ политической самостоятельности въ милліонахъ забитыхъ, порабощенныхъ людей, съ которыми давно обращались, какъ съ рабами. Концомъ своего меча онъ прикоснулся къ Италіи, разбудилъ ее отъ 300-лѣтняго сна и указалъ ей новыя политическія задачи, невольно направляя ея лучшія силы къ служенію дѣлу національнаго объединенія. Прекративъ существованіе цѣлыхъ сотенъ феодальныхъ нѣмецкихъ государствъ, собравъ ихъ въ болѣе крупные центры (при образованіи, напримѣръ, Рейнскаго союза), онъ намѣтилъ и здѣсь,—хотя и вопреки личнымъ расчетамъ,—дѣло національнаго возрожденія, сдѣлалъ эти центры очагами политическаго движенія. И это не все. Основавъ военную имперію, которая сама по себѣ была отрицаніемъ національнаго начала, Наполеонъ не опасался предоставить покореннымъ народамъ извѣстныя политическія права, обязавъ конституціями тѣхъ государей, которымъ онъ даровалъ престолы, а именно королей Испаніи, Вестфаліи, Неаполя и вице-короля Италіи. Другой вопросъ—насколько были прочны эти политическія гарантіи, данныя изъ милости; но важно было то, что извѣстнаго рода стремленія были возбуждены, что почва была подготовлена для развитія идеи участія народа въ государственномъ управленіи, равно какъ и идеи возрожденія самостоятельности и единства покоренныхъ и разрозненныхъ одноплеменныхъ группъ европейскаго населенія. Его управленіе повсемѣстно приносило съ собою развитіе промышленности. Своей политикой Наполеонъ заставилъ каждую страну волей-неволей совершенствовать мануфактуры. Ученыя и техническія учрежденія, пути сообщенія въ континентальной Европѣ обязаны были своими успѣхами непосредственно Наполеону. Въ вассальныхъ государствахъ, подчиненныхъ Франціи, стало больше порядка. Вмѣстѣ съ началами гражданственности распространялось просвѣщеніе. И Россія не осталась чуждою этихъ вліяній. Наполеоновскій

кодексъ всюду приносилъ съ собою гарантію личной и имущественной безопасности, равенство передъ закономъ, гуманность и въ будущемъ обѣщалъ судъ присяжныхъ, словомъ все то, о чемъ мечтали представители просвѣтительной литературы XVIII вѣка и что было положено въ основаніе просвѣщеннаго абсолютизма.

Такъ было до 1807 года, т. е. до Тильзитскаго мира.

Съ этого времени политическія цѣли, а равно и образъ дѣйствій Наполеона рѣшительно измѣняются. Онъ забываетъ свое происхожденіе и вскорѣ теряетъ связь съ тою почвой, которой онъ былъ обязанъ своимъ невѣроятнымъ могуществомъ. Съ этого же времени мы замѣчаемъ наступленіе реакціи, выразившейся въ желаніи сдержать стремленія народовъ къ участію въ государственномъ управленіи. Наполеонъ не отрекается пока отъ народныхъ интересовъ; но вмѣсто того, чтобы дѣйствовать отъ лица народа, онъ провозглашаетъ иной принципъ—все для народа и ничего посредствомъ народа, т. е. тотъ принципъ, который лежалъ въ основаніи политической программы кардинала Ришелье, содѣйствовавшаго утвержденію во Франціи абсолютизма Людовика XIV. Одновременно съ такимъ измѣненіемъ въ воззрѣніяхъ, этотъ «маленькій капралъ», наполнившій эхомъ своего имени всѣ части свѣта, увлекаемый грандіозными порывами, пытается охватить своими короткими руками весь земной шаръ. Онъ имѣлъ неслыханное безуміе объявить себя тюремщикомъ всего свѣта, который онъ хочетъ запереть для того, чтобы вѣрнѣе изгнать изъ него своихъ заклятыхъ враговъ—англичанъ. Скоро насиліе стало само по себѣ цѣлью дѣйствій Наполеона, затмивъ ясность его пониманія политическихъ движеній. Своею трагическою судьбой Наполеонъ явилъ міру живое доказательство того, на сколько соблазнителенъ произволъ, если онъ подчинилъ себѣ такой могучій духъ. Достигнувъ высоты счастья, Наполеонъ кончилъ тѣмъ, что сталъ преслѣдовать тѣ самыя начала, которыя придали блескъ имперіи и которымъ онъ самъ оказывалъ нѣкоторое время косвенную поддержку.

Подводя итоги всему сказанному, можно слѣдующимъ образомъ опредѣлить ту двойственную роль, которую сыгралъ

въ исторіи Наполеонъ: это была болѣе реакціонная во Франціи, болѣе революціонная въ Европѣ, но и тамъ и здѣсь одинаково деспотическая, роль душителя всякой свободы, но въ то же время и покровителя новыхъ общественныхъ классовъ и даже народныхъ массъ противъ старыхъ привилигерованныхъ сословій. И во всякомъ случаѣ именно благодаря его господству въ началѣ XIX вѣка новыя идеи распространились на всемъ западномъ континентѣ. Какъ-никакъ, въ лицѣ Наполеона французская революція побѣдила Европу, и потому побѣда Европы надъ Наполеономъ была началомъ такой реакціи противъ революціи, что многимъ друзьямъ свободы узникъ острова св. Елены сталъ казаться чуть не свѣтлымъ героемъ, побѣжденнымъ темными силами прошлаго *). Разставаясь съ Наполеономъ, мы невольно вспоминаемъ историческія разсужденія нашего великаго художника слова, покойнаго Л. Н. Толстого, высказанныя имъ въ его романѣ «Война и Миръ» по поводу Наполеона. Вопросъ о роли, которую играли въ событіяхъ 1812 года Александръ I, Наполеонъ, Кутузовъ и другія «власть имущія лица» приводятъ Л. Н. Толстого къ разсужденіямъ вообще о роли отдѣльныхъ историческихъ лицъ въ историческомъ процессѣ. Эту роль онъ сводитъ къ нулю, отвѣчая на два коренныхъ вопроса: 1) что есть власть? и 2) Какая сила производитъ движеніе народовъ?

Власть, — говоритъ Л. Н. Толстой есть такое отношеніе извѣстнаго лица къ другимъ лицамъ, въ которомъ лицо это тѣмъ менѣе принимаетъ участіе въ дѣйствіи, чѣмъ болѣе оно выражаетъ мнѣнія, предположенія и оправданія совершающагося, совокупнаго дѣйствія.

Движеніе народовъ, по мнѣнію Л. Н. Толстого, производятъ не власть, не умственная дѣятельность, даже не соединеніе того и другого, какъ то думали историки, но дѣятельность *всѣхъ* людей, принимающихъ участіе въ событіи и соединяющихся всегда такъ, что тѣ, которые принимаютъ наибольшее прямое участіе въ событіи, принимаютъ на себя наименьшую отвѣтственность, и наоборотъ.

---

*) Карѣевъ.—Краткая исторія прошлаго столѣтія, стр. 42.

Активная роль вождя движенія, по мнѣнію Л. Н. Толстого,—кажущаяся. Для нагляднаго выраженія своей мысли онъ прибѣгаетъ къ сравненію. Куда бы ни направился,—говоритъ онъ,—движущійся корабль, впереди его всегда будетъ видна струя разсѣкаемыхъ имъ волнъ. Для людей, находящихся на кораблѣ, движеніе этой струи будетъ единственно замѣтное движеніе. Только слѣдя вблизи, моментъ за моментомъ, за движеніемъ этой струи, и сравнивая это движеніе съ движеніемъ корабля, мы убѣдимся, что каждый моментъ движенія струи опредѣляется движеніемъ корабля и что насъ ввело въ заблужденіе то, что мы сами незамѣтно движемся... *).

Достаточно непосредственнаго наблюденія надъ явленіями текущей жизни, чтобы притти къ заключенію, что, отвергая «культъ героевъ», Л. Н. Толстой впалъ въ противоположную крайность, и разсужденія его не вѣрны. Не распространяясь, мы закончимъ словами извѣстнаго нашего знатока всеобщей исторіи и философіи исторіи, воззрѣнія котораго по этому вопросу стоятъ на уровнѣ современной исторической науки. «Левъ Толстой,—говоритъ проф. Карѣевъ,—слишкомъ далеко зашелъ въ своей оппозиціи «культу героевъ», когда, прировнявъ то, что было наполеоновскимъ слагаемымъ въ общей суммѣ событій эпохи, нулю (или не бо́льшему, по крайней мѣрѣ, того, что внесено было въ нее любымъ капраломъ великой арміи), обозначилъ роль Наполеона, какъ своего рода ярлыкъ извѣстныхъ событій, къ нимъ ничего не прибавляющій, и сравнилъ ее со струею, бурлящею впереди корабля, но отнюдь не ведущею его впередъ».

По воззрѣніямъ англійскаго историка Карлейля, создавшаго «теорію великихъ людей», великій человѣкъ исполняетъ провиденціальную миссію и подобенъ небесной молніи, зажигающей сухое дерево, которое безъ этой искры не загорѣлось бы.

«Искра, упавшая съ неба и воспламенившая сухое дерево,—говоритъ проф. Карѣевъ,—это—слишкомъ много, а струя, бурлящая впереди корабля,—слишкомъ мало. Какъ бы то ни было,

---

*) «Война и миръ». Полн. Собр. соч. гр. Л. Н. Толстого. ч. восьмая, Моск. изд. 1897 г., стр. 450—457.

и появленіе и исчезновеніе Наполеона имѣло довольно рѣшительное вліяніе на перипетіи того столкновенія между революціей, вышедшей изъ Франціи, и реакціеіі противъ нея со стороны Европы, которое разыгралось въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка и опредѣлило собою дальнѣйшее содержаніе исторіи прошлаго вѣка» *).

Низложеніе Наполеона выдвигало на первый планъ два вопроса: какъ ликвидировать все его дѣло, чтобы никакое изъ европейскихъ государствъ не потерпѣло ущерба? и чѣмъ обезпечить на будущее время спокойствіе Европы и неприкосновенность европейскаго равновѣсія.

Для рѣшенія этихъ вопросовъ въ ноябрѣ 1814 года собрался въ Вѣнѣ конгрессъ, на который съѣхались нѣкоторые государи, —въ ихъ числѣ и Александръ I, пользовавшіійся въ это время особымъ престижемъ, какъ вождь коалиціи, низложившей Наполеона,—и многіе министры, послы и другіе государственные люди, среди которыхъ наибольшимъ вліяніемъ пользовались Меттернихъ и Талейранъ.

Мы не будемъ говорить о постановленіяхъ Вѣнскаго конгресса, касающихся перваго изъ вышеуказанныхъ вопросовъ, а перейдемъ къ второму вопросу. Особыхъ постановленіі по этому вопросу не было сдѣлано; но на засѣданіяхъ конгресса ясно опредѣлилась та политическая система, которую три года спустя Меттернихъ,—въ одномъ изъ своихъ докладовъ австрійскому императору, — формулировалъ слѣдующимъ образомъ: «Основой современной политики служитъ и должно служить *спокойствіе*, а основной чертой спокоійствія является *увѣренность во владѣніи*». Такимъ образомъ создавалась консервативная система политики, которая быстро превратилась въ систему реакціонную.

Теперь, послѣ низложенія Наполеона, Франція не могла грозить европейскому равновѣсію. Но передъ собравшимися на Вѣнскій конгрессъ выдвинулась другая опасность, съ которой имъ необходимо было сообща бороться. Эта опасность заключалась въ *французскихъ идеяхъ*, въ тѣхъ идеяхъ свободы, ра-

---

*) Карѣевъ.—«Краткая исторія прошлаго столѣтія», стр. 43.

венства и народнаго верховенства, которыя въ теченіе двадцати лѣтъ распространялись по всей Европѣ солдатами Республики и Имперіи, въ тѣхъ всемогущихъ идеяхъ, къ которымъ принуждены были прибѣгнуть и государи Европы въ 1813 г., когда имъ нужно было поднять народы противъ Наполеона и когда въ своемъ манифестѣ имъ приходилось прибѣгать къ такимъ выраженіямъ, какъ «Народы! будьте свободны. Мы всѣ—свободные люди». Это реакціонная система нашла себѣ выраженіе въ учрежденіи такъ называемаго Священнаго Союза, иниціаторомъ котораго былъ Александръ I.

Баронеса Юліана Крюднеръ.

Впрочемъ, въ своемъ первоначальномъ видѣ Священный Союзъ еще не заключалъ въ себѣ ничего реакціоннаго. Происхожденіе его было слѣдующее. Императоръ Александръ, впавшій подъ вліяніемъ пережитыхъ тяжелыхъ событій 1812 года въ мистицизмъ и зачитывавшійся Библіей, изыскивая способы обезпеченія мира въ Европѣ, пришелъ къ заключенію, что единственно прочнымъ его обезпеченіемъ можетъ служить только религія. Съ этой точки зрѣнія онъ набросалъ проектъ, и показалъ его извѣстной піэтисткѣ г-жѣ Крюднеръ, съ которой онъ въ 1815 г. часто встрѣчался въ Гейдельбергѣ и Парижѣ. и которая своими бесѣдами усиливала его мистическое настрое-

ніе, примѣняя къ нему разныя пророчества Апокалипсиса, называя его ангеломъ мира, основателемъ тысячелѣтняго царства и т. п. Она то и поставила на проектѣ Александра въ видѣ заголовка слова: «La Sainte Alliance». По окончаніи Вѣнскаго конгресса, на основаніи этого проекта, государи Россіи, Пруссіи и Австріи и заключили между собою Священный союзъ. Сущность этого союза заключалась въ ихъ обязательствахъ оказывать во всемъ другъ другу братскую помощь, а въ международныхъ сношеніяхъ и въ отношеніяхъ къ своимъ подданнымъ руководствоваться завѣтами Спасителя, утверждая ихъ въ правилахъ христіанской жизни.

Реакціонное же содержаніе въ Священный Союзъ внесъ впослѣдствіи Меттернихъ, пріобрѣтшій громадное вліяніе на всѣхъ европейскихъ государей и особенно на Александра I. Запугивая европейскихъ монарховъ призракомъ европейской революціи, онъ сдѣлалъ изъ Священнаго Союза орудіе для борьбы съ идеями и общественными движеніями, нарушавшими тотъ застой, который, подъ названіемъ «покоя», въ его глазахъ являлся основнымъ условіемъ государственной жизни. Съ теченіемъ времени въ Священномъ Союзѣ воплотилась европейская реакція противъ всякаго проявленія свободной мысли, противъ всякаго стремленія къ свободѣ политической и гражданской. Сила этой реакціи заключалась въ сплоченности монарховъ, входившихъ въ Священный Союзъ, и въ томъ правѣ вмѣшательства, которое предоставлялось Союзу по отношенію ко всѣмъ европейскимъ государствамъ. Всѣ европейскія государства, по теоріи Меттерниха, составляютъ одинъ коллективный организмъ. Этотъ коллективный государственный организмъ долженъ поддерживать равновѣсіе между отдѣльными своими частями, и если бы одинъ изъ его членовъ пожелалъ бы подняться надъ общимъ уровнемъ, то остальные должны соединиться и общими силами принудить его не выступать изъ рядовъ. Такъ же точно всѣ члены Священнаго Союза имѣютъ право общими усиліями оналчиться на того изъ своихъ членовъ, который отступитъ въ своей внутренней политикѣ отъ общаго во всѣхъ государствахъ *легитимнаго* порядка, а такимъ легитимнымъ, т.-е. законнымъ, порядкомъ въ глазахъ Меттерниха

являлся лишь порядокъ дореволюціонный. Такъ введено было въ Священный Союзъ *право вмѣшательства*, которое должно было регулироваться конгрессами. Чтобы наглядно представить читателю, какую роль въ европейской жизни игралъ Священный Союзъ, укажемъ только два случая. Въ 1820—22 г.г. состоялось три конгресса, въ Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ, по постановленіямъ которыхъ союзными войсками подавлены были революціонныя движенія въ Испаніи, Неаполѣ и сѣверной Италіи, которыя могли причинить матеріальный ущербъ Австріи. Затѣмъ, когда началось народное движеніе въ Греціи, имѣвшее цѣлью освобожденіе отъ турецкаго ига, Меттерних сумѣлъ убѣдить Александра I въ томъ, что это движеніе—революціонное, что оно есть непосредственное слѣдствіе общаго плана европейскихъ революціонеровъ, заранѣе составленнаго и прямо направленнаго противъ страшнаго для нихъ Священнаго Союза. И Александръ I, поддаваясь вліянію Меттерниха, отказалъ грекамъ въ помощи, на которую они имѣли основанія надѣяться *).

Европейская реакція, проявлявшаяся повсемѣстно въ Европѣ, едвали не сильнѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ, проявилась въ Россіи. Эта реакція наступила не сразу. Еще въ концѣ 1815 г. вновь образованное на Вѣнскомъ конгрессѣ изъ Варшавскаго герцогства Царство Польское получило отъ Александра I конституцію. Въ 1818 г., открывая первый сеймъ въ Варшавѣ, Александръ говорилъ въ своей рѣчи, что намѣренъ распространить благо представительнаго правленія на всю свою имперію. Въ томъ же году онъ поручилъ Новосильцеву воскресить проектъ Сперанскаго, и Новосильцевъ написалъ «уставную грамоту». Но эта «уставная грамота» не получила санкціи, а вновь устроенный либеральный порядокъ въ Польшѣ (и ранѣе въ Финляндіи) не былъ пущенъ полнымъ ходомъ. Александръ далеко отошелъ отъ настроеній молодыхъ лѣтъ. Онъ остылъ и сталъ равнодушенъ къ внутреннимъ дѣламъ и вопросамъ гражданскаго управленія; текущую административную работу

---

*) Блестящую характеристику Меттерниха и его политики читатель найдетъ въ статьѣ о немъ Писарева. (См. Полн. Собр. Соч.).

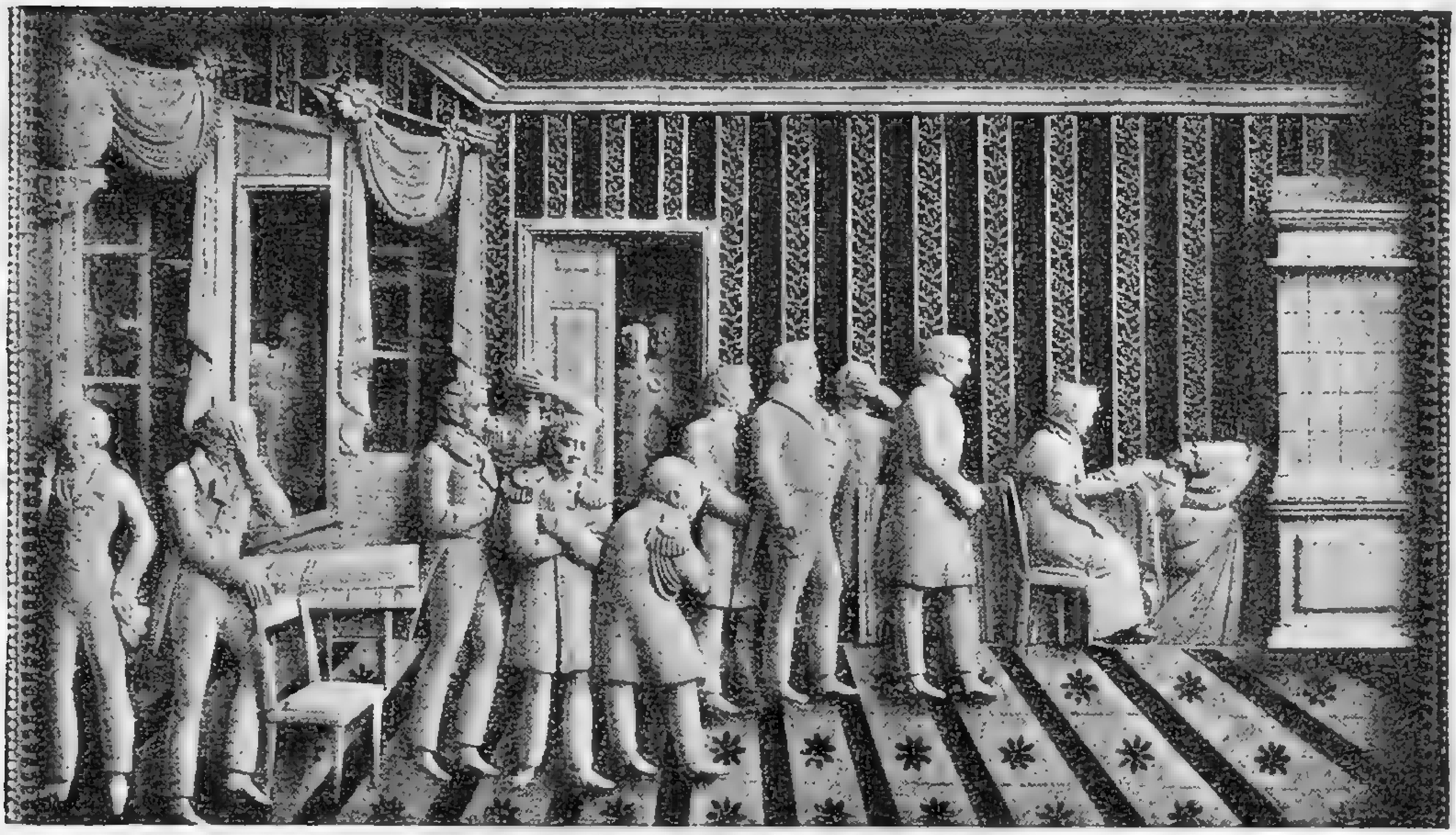
онъ возложилъ на гр. Аракчеева и вполнѣ довѣрялся этому неизмѣнному своему любимцу. Аракчеевъ превратился во временщика и возбудилъ къ себѣ общую ненависть не только несносною кичливостью и мелкимъ злопамятствомъ, но и общими пріемами управленія, невѣжественными, грубыми и жестокими, являвшими собою безобразную реакцію по отношенію ко всему тому, что прельщало общество въ первые годы правленія Александра. Люди разныхъ положеній и направленій одинаково осуждали Аракчеева, называя его «извергомъ» и «вреднѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи». Большое вліяніе на мистически настроеннаго государя и на государственныя дѣла

Аракчеевъ.

пріобрѣлъ и другъ Аракчеева, митрополитъ Фотій, представлявшій государю всѣ его либеральныя начинанія первыхъ годовъ царствованія великимъ грѣхомъ, требующимъ покаянія... Насталъ тяжелый режимъ, напоминавшій предыдущее царствованіе.

Но въ обществѣ продолжали жить и развиваться либеральныя идеи, и не остывала надежда на лучшее будущее. Подъ вліяніемъ заграничнаго похода и непосредственнаго знакомства съ западно-европейскою жизнью и съ умственнымъ движеніемъ эпохи среди военной молодежи возникло движеніе, имѣвшее цѣлью преобразовать внутренній строй Россіи на началахъ

тѣхъ либеральныхъ идей, которыя въ началѣ своего царствованія Александръ I пытался осуществить въ своей правительственной дѣятельности. Образовались кружки и тайныя общества, изъ которыхъ сформировалась группа патріотовъ-идеалистовъ, которые 14 декабря 1825 г., въ промежутокъ между смертью Александра I и воцареніемъ Николая I, сдѣлали свою неудачную попытку произвести государственный переворотъ.



Смерть Александра I (костяное изображеніе).

Эта неудачная попытка *декабристовъ* окончательно укрѣпила въ сознаніи лучшей части русскаго общества тѣ либеральныя идеи, провозвѣстникомъ которыхъ въ началѣ прошлаго вѣка и явился самъ государь.

Гос. Истор. Научн. Б-ка

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

Отечественная война 1812 года. Изданіе К. И. Тихомирова. Москва. Цѣна 40 к.

Руководство по русской исторіи. Для старшихъ классовъ средней школы и для самообразованія. *Допущено* Ученымъ Комит. Мин. Нар. Пр. въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній и внесено въ списокъ книгъ для безплат. библіот. Изд. К. И. Тихомирова. Москва. Цѣна 2 р. 50 к.

Государственныя учрежденія древней и новой Россіи. *Допущено* Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія въ ученич. библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. І. Кнебель. Москва. Цѣна 2 р.

Очерки изъ исторіи Грузіи. *Допущено* Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просв. въ ученич. библіот. среднихъ учебн. завед. Тифлисъ. Цѣна 3 р.

Императрица Екатерина II. Тифлисъ. Цѣна 20 к.

Наказъ Императрицы Екатерины II. Тифлисъ. Цѣна 20 к.

Россія. Краткіе разсказы изъ русской исторіи для народнаго чтенія. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Москва. Цѣна 25 к.

Поэтъ-Философъ. (Шиллеръ). Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Москва. Цѣна 25 к.

Педагогическіе этюды. Тифлисъ. Цѣна 50 к.

Замѣтки о преподаваніи исторіи. Тифлисъ. Изд. кн. маг. Хиддекель. Цѣна 50 к.

Цѣна 40 коп.